

АЛЬВИН КАСПАРИ

ПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗ

БОРЬБА ЗА КАВКАЗ

ВЕЛИКИЕ ПОДВИГИ РУССКИХ
ПОЛКОВОДЦЕВ И ВОИНОВ

УМИРОТВОРЕНИЕ КАВКАЗА

БЛАГОПОЛУЧИЕ
ВЕЛИКОЛЕПНОГО
КРАЯ

Альвин Каспари

Покоренный Кавказ (сборник)

«Центрполиграф»

1904

УДК 93/94
ББК 63.3

Каспари А. А.

Покоренный Кавказ (сборник) / А. А. Каспари —
«Центрполиграф», 1904

Книга «Покоренный Кавказ» впервые увидела свет в Санкт-Петербурге в 1904 г. Альвин Андреевич Каспари – выходец из Германии, русский издатель и книготорговец. Он издавал журналы «Родина», «Новь», «Всемирная новь», серии книг «Библиотека романов», «Дешевая библиотека русских классиков» и такие научно-популярные труды, как «Всемирная история Каспари». В книгу «Покоренный Кавказ» входит 14 очерков, рассказывающих о природе, народонаселении и истории Кавказа с древних времен до конца XIX века. Главное внимание уделено драматическим событиям Кавказской войны, завершившейся пленением предводителя горцев Шамиля. Авторы очерков – известные в свое время историки и публицисты. Несмотря на то, что впервые книга вышла в свет более века назад, другого подобного труда, дающего столь полное и разностороннее представление о Кавказе, не издано в России до сих пор.

УДК 93/94
ББК 63.3

© Каспари А. А., 1904
© Центрполиграф, 1904

Содержание

Предисловие	6
Очерк первый	9
Кавказ	10
Очерк второй	21
Далекое прошлое многострадальной Грузии	22
Радости и беды прекрасной Грузии	26
Очерк третий	33
Яссы и Русь	34
Русь в Предкавказье	37
Лев Ирана	41
Москва и Кавказ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Альвин Каспари

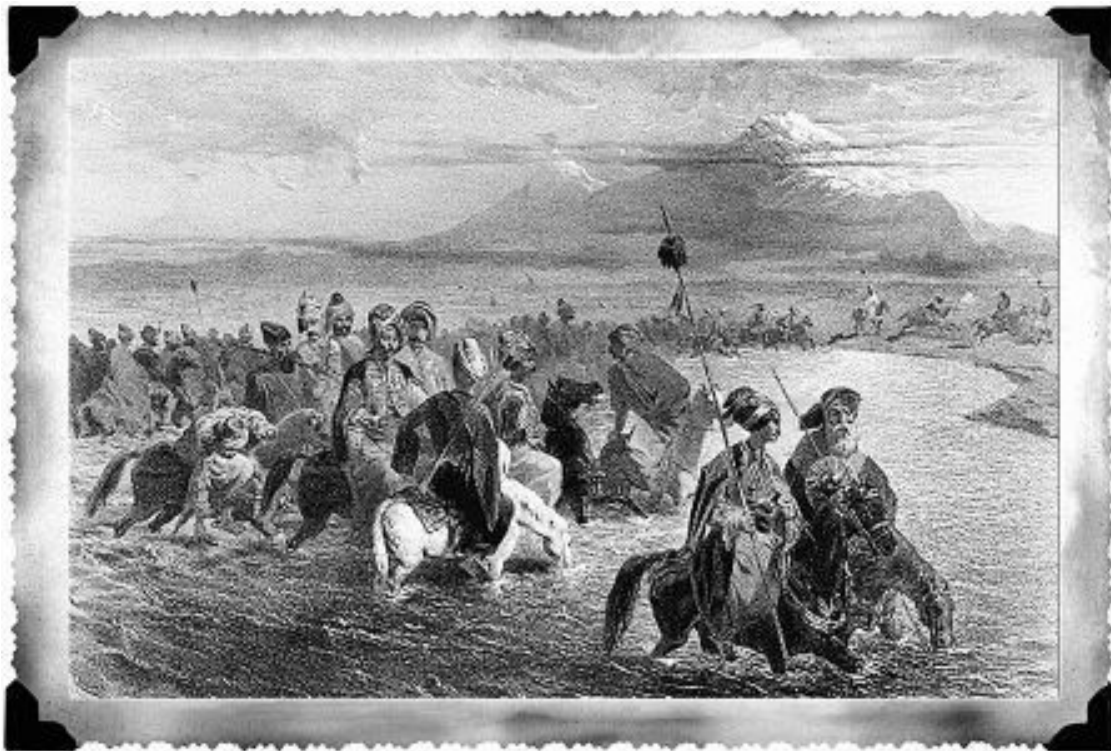
Покоренный Кавказ

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф»,
2016

Предисловие

Предлагаемое читателям издание «Покоренный Кавказ» в общем, своим стройным целом является книгою совершенно новою по своему типу. Ввиду этого мы считаем нелишним сказать здесь несколько слов как о целях настоящего издания, так и о плане, которым руководствовалась редакция при распределении литературного и художественного материала.

Шестидесятилетняя борьба Руси с населявшими Кавказ народцами и племенами, борьба, начало которой, по сущности событий, может быть отнесено к временам седой древности, эта борьба уже сама по себе представляет чудную картину, которая напоминает каждому русскому о славных делах его предков. Чем дальше несется время, чем более проходит лет, тем большею славою разгораются бывшие подвиги, тем более удивления вызывают они. Что недавно еще было только историческим событием, то становится легендою; как на волшебную сказку, взирают потомки на действительность, героями которой явились их предки; по мере же того, как *tempora mutantur* – времена меняются, а вместе с ними меняются и люди, кое-что, а иногда и не кое-что, а очень существенное, но не особенно яркое, позабывается, утеривается из памяти, и вот настоящее издание восстановит в памяти все более замечательные события, отметит все наиболее замечательные эпизоды борьбы и, наконец, представит современную картину умиротворенного и покоренного Кавказа.

Другими словами, редакцией руководило стремление в одном литературном произведении соединить по возможности все, что знакомит современного читателя с историей, этнографией, географией Кавказа, с историческим и современным бытом его обитателей, а главное – с тем героизмом русских людей, который проявлен был при покорении и умиротворении этого великолепного края, и с тем, что явилось последствием этого героизма, то есть какие благотворные результаты принесло присоединение всего Кавказского края к нашей великой и могучей матери – Руси православной.

Все сочинение о покоренном Кавказе состоит из отдельных очерков, написанных разными авторами, причем каждый очерк, являясь самостоятельным произведением, в то же самое время имеет непосредственно тесную связь с предыдущими и последующими, так что все, вместе взятые, очерки составляют в общем стройное целое, рисующее подробную и полную картину Кавказа – и исторического, и современного.

Первые очерки посвящены общему географическому описанию Кавказа. Описаны довольно подробно Кавказский хребет и его отроги, причем в этом описании особенное внимание обращено на те местности, в пределах которых происходила героическая борьба XIX столетия. Без такого описания мало было бы понятно дальнейшее: походы покорившего Кавказ Ермолова и его преемников, умиротворивших его. Затем обширный очерк посвящен историческому описанию Грузии, которая была могучим политическим организмом, привлечшим, так сказать, Русь в Закавказье. Подробно описаны затем исторические взаимоотношения Руси и Кавказа с времен глубочайшей древности до покорения Приморского Дагестана императором Петром Великим, и, наконец, кавказская старина пополнена описанием важнейших горских народов и племен, с которыми в недалеком прошлом пришлось выдержать Руси тяжелую борьбу.

Этими очерками завершается ознакомление читателя с отдаленным прошлым Кавказского края, и в дальнейших очерках уже рисуется прошлое более близкое. Наиболее важные моменты этого прошлого – приближение грозной русской силы вплотную к Кавказу, присоединение Грузии, Имеретии, Абхазии к владениям Белого царя, начало борьбы за Кавказ с Персией и Турцией, начало отчаянной борьбы с горскими народами, великие подвиги русских полководцев и воинов в этой титанической борьбе и, наконец, покорение Кавказа при знаменитом Ермолове и завершение борьбы за него с Персией при Паскевиче – вот главное содержание последующих очерков, вводящих читателя в третью стадию Кавказской войны: умиротворение Кавказа. Следует отметить, что эти очерки пополнены интересным очерком о газавате – священной войне, на почве которой разыгралась ужасная драма, закончившаяся лишь в 1859 году пленением Шамиля. Эта последняя служит содержанием дальнейших очерков, авторы которых, пользуясь новейшими источниками, передали в живом, полном движении изображении все наиболее выдающиеся моменты титанической борьбы, прославившей в одинаковой степени и победителей, и побежденных.

Этими очерками заканчивается описание войны за Кавказ, и в следующих читатель находит уже описание покоренного и умиротворенного Кавказа, то есть картины современного состояния Кавказского края, когда после долгой, упорной, кровопролитной борьбы появились наконец ее благотворные результаты, когда ценою величайших жертв создалось благополучие огромного края, развилась его добывающая промышленность, расцвела поставленная на прочную почву торговля, – словом, когда Кавказ, не так еще давно представлявший собою разбойничье гнездо дикарей, помышлявших только о грабеже и насилии, стал цветущей страной, обязанной этим своим процветанием исключительно одной только России и ее самоотверженным сынам. Эти заключительные очерки как бы представляют собою итоги великой борьбы – итоги, которые читатели видят воочию, ибо изображение современного Кавказа – это действительность наших дней.

Таков общий план, которым руководствовались мы при составлении очерков «Покоренного Кавказа» и расположении их в последовательном порядке. Думается, что в этом случае вполне достигается заветная наша цель – представить, как выше было сказано, полную во всех отношениях картину великолепного края, являющегося одним из лучших украшений нашей дорогой матери – Руси православной. Думается также, что подобное издание будет встречено с полным интересом нашими читателями. Ведь прошлое, да еще свое прошлое – прошлое своего отечества, родное прошлое – всегда интересно, а сопоставление этого прошлого с настоящим, являющимся его непосредственным последствием, только усугубляет этот интерес. Мало

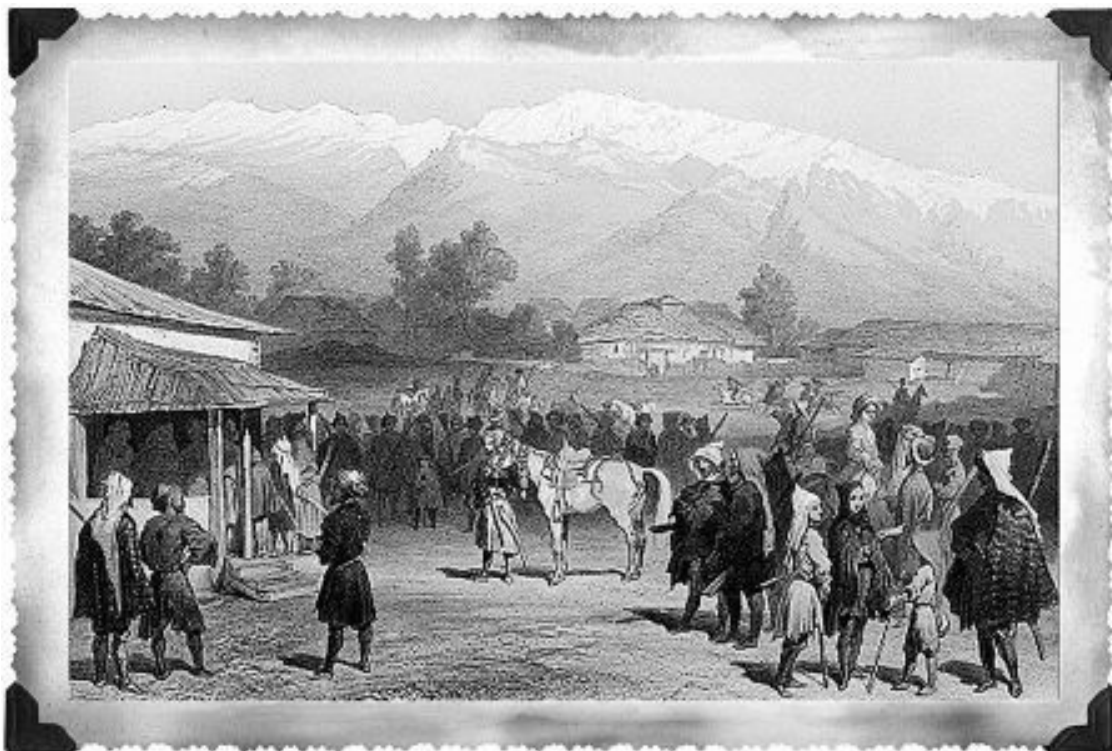
того, родное прошлое необходимо знать каждому, и если повествование о нем представляется не в скучной прозаической форме, а в живом изложении, то такое повествование легко запоминается при чтении, то есть читатель незаметно для самого себя приобретает обогащающие его знания, а к такому способу повествования стремятся все издания «Родины», в числе которых, смеем думать, сочинение «Покоренный Кавказ» по вниманию к нему читателей займет не последнее место.

Таково содержание этого нового нашего издания, и мы позволяем себе питать полную уверенность, что наши труды не останутся напрасными и книга очерков «Покоренный Кавказ» заслужит внимание своих читателей.

Очерк первый Предкавказье, Кавказ, Закавказье

*Я покажу ему титана,
Который сед и стар, как бес,
В огромной области тумана
Всегда в войне против небес.
Из ребр его окаменелых,
Мильоном вод оледенелых,
Шумят и летом, и зимой
Ручьи с свирепой быстротой.
Напрасно жар полдневный пышет,
Сразясь с тройным его венком, -
Сердит и пасмурен, он дышит
Одними выюгами и льдом.
Кругом от моря и до моря
Хребты гранита и снегов,
Как Эльбурс, с природой споря,
Стоят от бытности веков.
И неприступная сияет
Из облаков их высота;
Туда лишь дерзкая мечта
С царем пернатых долетает.*

А. И. Полежаев

Кавказ

Помните, как у Лермонтова:

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей...

Он, этот печальный, скучающий Демон, парил на своих крылах высоко-высоко. С горной высоты открывались перед ним дивные картины. Он парил над Кавказом...

Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял.
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, – и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!

Словом, открывалась такая картина, которой zalюбовался бы каждый смертный, если бы очутился в положении этого лермонтовского Демона...

Увы! Такое высшее духовное наслаждение еще недоступно для живущих на земле, и только лишь вдохновение поэтов воспаряет на недостижимую высоту, откуда во всем своем объеме открывается чудотворная красота, свидетельствующая о могучей силе природы, о величии Творца-Мироздателя... Так отнеслись бы к открывшейся картине смертные, но гордый дух

Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

Демон был пресыщен красотами природы и вскоре обнаружил извращение эстетического вкуса, влюбившись в красоту Тамары, в земную жалкую красоту, которая ничто, тлен в сравнении с той дивной красотой, что открывалась ему с горной высоты, когда

Над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал...

Но зато совсем не «по-демоновски» отнесся к Кавказу великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Его очаровал Кавказ...

Очутившись на вершине одной из гор, кажется Казбека, поэт вдохновенно восклицает:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движение.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам...

Это – уже мирная картина Кавказа. Поэт очарован. Он лишь потом ощутил всю дикую прелесть этих гор, которые тогда только что становились достоянием Руси. В то время, когда Пушкиным написано это прелестное стихотворение, лишь часть Кавказского хребта находилась во власти России, и за Кавказ начиналась ожесточенная борьба с Персией, Турцией, а вместе с этим славный Ермолов уже одно за другим прибирал к рукам дикие и полудикие горские племена, обитавшие на Казикумыкской равнине, в Дагестане, Чечне, Осетии, в обеих Кабардах, Большой и Малой, и стране Адыгее.

Но не будем забегать вперед и, прежде всего, познакомив читателя с поэтическими описаниями Кавказа, бросим на него взгляд прозаика. Но и тут мы сейчас же увидим, что поэзия и проза – родные сестры, ибо и прозаическое описание только дополняет собою то, что диктовало о нем великим русским поэтам их могучее проникновенное воображение.

Что такое Кавказ? Это необходимо установить в начале нашего труда, дабы потом, при дальнейшем повествовании, не возвращаться постоянно вспять.

Собственно, под именем Кавказа должно разуметь площадь земли, покрытую горным хребтом и его отрогами, тянущимися несколько наискось по Понто-Каспийскому перешейку от Черного до Каспийского моря.

То свободное от гор, почти степное пространство, которое раскинулось на север от хребта, называется Предкавказьем, или Северным Кавказом, а находящаяся на юге от главного поперечного хребта горная страна носит название Закавказья. Таким образом, то, что мы называем общим наименованием «Кавказский край», состоит из Предкавказья, Кавказа и Закавказья. Во всей своей целокупности этот край ныне принадлежит России и перешел к ней лишь после упорнейшей борьбы, в которой святою русскою кровью омылись «утесов нагие громады».

Займемся же здесь пока одним Кавказом, то есть горным хребтом, пересекающим Понто-Каспийский перешеек.

Кавказ на западе подходит к самому Черному морю, заканчиваясь на его побережье около когда-то могучей турецкой крепости Анапа. На востоке он подходит почти к самому Каспию, заканчиваясь около Апшеронского полуострова горою Ильхи-Даг, поднимающейся над морем на северо-западе от прибрежного каспийского города Баку.

Это – Главный Кавказский горный хребет, или Большой Кавказ, служащий также водоразделом для бассейнов рек Предкавказья и Закавказья.

Площадь, занятую его горами, исчисляют обыкновенно в 2600 квадратных миль. Если провести прямую линию от Анапы до Ильхи-Дага, то длина ее будет 1100 верст, но так как хребет идет извилинами, зигзагами, то на них нужно накинуть еще 320 верст и, таким образом, длина непрерывного горного водораздельного хребта определится в 1420 верст, причем ширина его будет колебаться между 90 и 200 верстами. Водоразделом Кавказ является для бассейнов рек Кубани, Терека, Сулака и Самура, текущих в Предкавказье, и бассейнов рек Закавказья: Ингура, Риона и Куры.

Ученые-геологи разделяют Кавказ по его профилю на семь довольно заметно отличающихся одна от другой частей, из которых каждая носит свое определенное название.

Самой высокой частью хребта представляется так называемый Эльбрусский Кавказ, средняя высота которого над уровнем моря равняется трем с небольшим – трем с половиною верстам.

Заметьте, это – средняя высота, то есть величина искусственно вычисленная. Как раз в этой самой части, протяжение которой на расстоянии 160 верст ограничивается истоками рек Кубани на западе и Ардона на востоке, вздымаются самые высокие вершины хребта. Здесь именно Кавказ покрыт шапкою из вечных снегов и ледников. Своими пиками он уходит в облака. Есть утесы и скалы, на которые не ступала нога человеческая. Здесь вздымаются знаменитые Эльбрус и Казбек...

Западноевропейцы кичатся своими Альпами и в восторге от своего Монблана. А Альпы в сравнении с Кавказом – пигалица, Монблан – мальчишка и щенок в сравнении не только с Эльбрусом или Казбеком, а даже с их меньшими братьями. Кавказ почти всюду выше Альп. Исследователи Кавказа насчитывают в нем до ста пятидесяти вершин, вздымающихся выше трех с половиною верст над уровнем моря, и двадцать пиков, которые превышают значительно Монблан, эту прославленную знаменитость Западной Европы...

Но вернемся к Эльбрусскому Кавказу.

Он залег под своими снегами и ледниками, и только немногие труднопроходимые перевалы доступны в нем людям. Эльбрусский Кавказ – весь дикое величие. Главный хребет отбрасывает на север недлинные могучие отроги, и именно на них вздымаются в заоблачные высоты высочайшие вершины всего хребта. Вот великан Эльбрус. Он даже не великан, а прямо гигант. Шутка ли, его высота над уровнем моря – пять с четвертью верст, да еще «с хвостиком». Эльбрус в 20 верстах от Главного хребта. Его зовут также Минги-Тау, и это – самая высокая гора всего Кавказского края.

Пять с четвертью верст! Высота, можно сказать, «высокопочтенная»... Но этого мало: Эльбрус, залегший на границе Кубанской и Терской областей, вздымается в небеса двумя почти одинаковыми по своей высоте вершинами; разница между ними в этой высоте пустячная – без очень немногo 13 с половиною сажен.

С Эльбрусом высотой спорит Казбек, тот самый, который у Лермонтова спорил с Шатгорою и, как только увидел надвигающихся на горы кавказских чудо-богатырей с их чудовождем Ермоловым,

Грустным взором он окинул

Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул
И навек затих.

И хорошо сделал, ибо «Петрович», то есть Алексей Петрович Ермолов, покоритель Кавказа и кумир кавказских воинов, шутить не любил. Дагестан, Чечня, Кабарда Большая и Кабарда Малая, Адыгея на собственном примере убедились в этом. «Петрович» стер их так, что, не оклеветав его перед великим государем злые вороги, не было бы еще сорока лет войны за Кавказ...

Но после, после об этом...

Казбек, у древних – Котакс, в незапамятные времена был вулканом. Теперь он, конечно, давным-давно потух, но зато вместо лавы грозит людям своими ледниками, в особенности Девдоракским. Там-то бывают частые обвалы, там-то под снежной лавиной чаще всего гибнут люди. Казбек пониже Эльбруса. Он взлетает ввысь на четыре с половиною версты с лишком, но тем не менее он производит своею, так сказать, «наружностью» очень внушительное впечатление...

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами!.. —

поет о Казбеке незабвенный Пушкин.

Однако Казбек принадлежит уже не к Эльбрусскому, а к Терскому Кавказу, который тянется от устья реки Ардон на восток до горы Барбалю, но между ним и Эльбрусом расположены самые высокие вершины хребта. Эльбрус высок, но и вокруг него тоже не малыши: тут находятся лишь немногим уступающие своему гиганту-соседу Дых-Тау, Коштан-Тау, Шхара, Джанги-Тау, Тетнульд, Ушба, Адиш-Адай-Хох, завершающий собой Эльбрусский Кавказ. Самый «крошечный» из них – последний, Адай-Хох, но и он взвился над уровнем моря на высоту более чем четыре с четвертью версты. О высоте остальных можно судить уже по этому «малышу».

Эльбрусский Кавказ, как уже сказано выше, отличается своей величавой дикостью. На север он бросил отроги, а на юге параллельно ему тянется Сванетский хребет с главной вершиной Шода, уходящей ввысь на высоту несколько более трех верст. Между Сванетским хребтом и Эльбрусским Кавказом пролегли долины рек Ингура и Цхенис-Цкали, а с востока к южному склону Эльбрусского Кавказа примыкает долина верховьев Риона, отделенная как от вышеупомянутой долины Ингура, так и от долины Кодора отрогами Главного хребта.

Терский Кавказ, тянущийся на протяжении 120 верст, не так дик, но еще более живописен. Он идет двумя гребнями: водораздельным и передовым. Казбек – в передовом. Около него в том же гребне великаны: Тепли, Джимирай-Хох, Цмиаком-Хох, а по соседству в водораздельном: Зильга-Хох, Зикари, Чоухи, Барбалю. Они, эти великаны, все будут малость пониже Казбека, и самый маленький из них – это завершающий на западе Терский Кавказ Барбалю, поднимающийся на три с небольшим лишком версты над уровнем моря.

С Казбеком все-таки трудно расстаться... Слишком популярен он среди нас, русских людей, куда более популярен, чем его больший брат – Эльбрус. Казбек – излюбленное детище поэтов, тогда как о великом Эльбрусе поэты помалкивают. Может быть, это потому, что Казбек более доступен для человека, чем Эльбрус, а может быть, потому, что на него благодаря доступным перевалам люди чаще обращают внимание, тогда как гигант Эльбрус замкнулся в своей дикости и никого не пускает на свои подоблачные высоты.

Здесь кстати будет сказать, что наименование «Казбек» совсем новое, существующее не более столетия. В Закавказье у грузин эта гора была известна под именем «ледяной» – Мкин-вари, в Осетии ее величали Урс-Хох, что значит «белая гора», Хресте-тсуд, то есть «Христова гора». Казбеком его окрестили уже русские от имени грузинского моурави Кази-бека, наследственные владения которого находились на том же пути, по которому шел путь через горные перевалы Терского Кавказа из Предкавказья в Закавказье. На Кавказе шесть гор выше Казбека: Эльбрус, Дых-Тау, Коштан-Тау, Шхара, Джан ги-Тау и в стороне Арарат. Из них разве только последний пользуется такою же популярностью, как Казбек, да и то лишь потому, что на Арарате, по библейскому сказанию, остановился после потопа ковчег праотца Ноя. Причинами популярности Казбека может также служить указанное выше грозное обстоятельство. На Казбеке восемь ледников, и самый большой из них, Девдоракский, чаще всего сползает своими лавинами на проходящую под Казбеком по Крестовому перевалу Военно-Грузинскую дорогу. Таким образом, Казбек – гора беспокойная, и за ней волей-неволей приходится следить, а раз за Казбеком бдительно наблюдают, стало быть, он исследован больше, чем все остальные «спокойные» его соседи. Да он и в самом деле всесторонне исследован. Чуть ли не каждая пядь земли на Казбеке описана, и сынам Туманного Альбиона, то есть англичанам, принадлежит честь первого посещения его вершины. Эти дошлые господа забрались на Казбек еще в 1867 году. Нога русского человека – топографа Кузьмина – впервые попирала вершину этого великана лишь в 1873 году.

От горы Зикари, соединяясь с нею, откидывается на юг в Закавказье небольшой, но тоже порядочной высоты Сурамский хребет, как бы соединяющий Большой Кавказ с Малым, о котором речь будет несколько ниже. У водораздельного хребта Терского Кавказа приткнулись высокие, отделенные друг от друга отрогами, поперечные котловины: Ардонская, Терская, Ассинская, Аргунская. В них, питаемые снегами из ледников, начинаются реки, рвущиеся с высот Терского Кавказа в Предкавказье. Из них Терек и Ардон своим неистово бешеным разбегом прорывают горы передового хребта и вырываются в Предкавказье через знаменитое Дарьяльское ущелье. Тут:

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.

Дарьяльское ущелье – наикрасивейшее место на всем Кавказе. Только тот, кто пройдет по нему, будет иметь понятие о диком величии этих гор.

По Терскому Кавказу проходят через Крестовый перевал Военно-Грузинская дорога на Тифлис и через Мамисонский перевал Военно-Осетинская дорога на Кутаис; первый перевал залег на высоте несколько более двух верст, второй – на высоте более двух с половиною верст. Это были те пути, по которым впервые тронулась Русь из Предкавказья, где она прочно осела, в Закавказье, в Грузию...

К западу от Эльбурского Кавказа – Кубанский Кавказ, начинающийся от истоков реки Кубани и кончающийся у горной группы Оштен, а от последней до Анапы – Черноморский Кавказ. На горе Фишта, в Кубанском Кавказе, если считать начало хребта от Черного моря, появляются первые вечные снега.

К востоку от Терского Кавказа, то есть по направлению к Каспию, от горы Барбалло до горы Сари-Даг, на протяжении 140 верст, Большой Кавказ называется Дагестанским Кавказом. Хребет здесь идет уже на понижение. Он отбрасывает от себя на север и северо-восток отроги, образующие вместе с передовым хребтом горную страну Дагестан. Южный склон этой части Кавказа обрывист и отрогов почти не имеет; особенно высоких вершин в Дагестанском

Кавказе нет, но ледники и вечные снега еще покрывают его вершины. Наиболее замечательные отроги: Перикительский, или Сулако-Терский хребет, разделяющий бассейны Терека и Сулака, потом Богосский, водораздел рек Андийского и Аварского Койсу, и Наукат – водораздел между реками Аварский Койсу и Кара-Койсу; хребет Андийский, заканчивающийся хребтом Салатавским. С севера же примыкают к Дагестанскому Кавказу глубокие поперечные долины: Тушинская, Дидойская, Анкратльская, в которых находятся истоки Андийского и Аварского Койсу, вырывающихся на север через передовой хребет и стремящихся к Сулаку. Тут же вытекают Казикумыкское Койсу и Кара-Койсу, скидывающиеся с северного отрога, служащего водоразделом между Сулаком и Самуром. На юге Дагестанский Кавказ крут и обрывисто падает в долину реки Алазани.

Несмотря на понижение хребта, в Дагестанском Кавказе благодаря чрезвычайной гористости совсем мало удобопроходимых путей сообщения; мешают этому и бешено несущиеся с высот реки, которых здесь становится все больше и больше.

Между перевалами наиболее проходимые – Кодорский, Саухенисский.

За Дагестанским Кавказом от горы Сари-Даг до Баба-Даг Большой Кавказ носит наименование Самурского. По характеру своему Самурский Кавказ очень похож на Дагестанский: отроги на север, крутизна на юг. В передовом хребте этого Кавказа – гора Шах-Даг, та самая, на которую лазил за девственным снегом герой повести Марлинского-Бестужева – Искендер-бек и на которой он познакомился со знаменитым разбойником Мулла-Нуром.

В Самурском Кавказе исчезают вечные снега, и эти снега – последние по направлению от Понта на Каспий – окутывают именно Шах-Даг. Наиболее замечательных перевалов два: Гудурский, от верховьев Самура на Закаталы, и Салатавский, по которому проходит Военно-Ахтинская дорога.

Наконец, завершает собою хребет Каспийский Кавказ, с незначительными уже вершинами. Вечных снегов здесь нет, заканчивается Каспийский Кавказ, как сказано выше, горою Ильхи-Даг, протяжение его – 160 верст.

Вот и весь Большой Кавказ – эта созданная самою природою перегородка на перешейке, соединяющем Европу и Азию.

Малый Кавказ – это обширное нагорье на юго-западе Кавказского края, с разбросанными по окраинам его горными цепями. Малый Кавказ, с северо-запада на юго-восток, в длину имеет 500 верст, а в ширину по перпендикуляру – 250. Он соединяется с Большим Кавказом посредством Сурамского хребта, который делит Закавказье на две резко противоположные друг другу части: восточную и западную.

В Азовское море впадает река Ея. У Еи есть приток Кугу-Ея. Почти соприкасаясь с последней, в озеро Маныч течет река Средний Егорлык. За озером, далее по рекам Западному и Восточному Манычу и еще далее по реке Гейдуку, впадающему в Кумский залив Каспийского моря, можно провести ломаную черту, которая явится, с одной стороны, южною границею области Войска Донского и Астраханской губернии, а с другой – северною границею Предкавказья или, как выше указано, Северного Кавказа. С запада – побережье Азовского и Черного морей, с востока – побережье Каспийского, вместе с вышеупомянутыми границами области Войска Донского и Астраханской губернии, а также Главным Кавказским хребтом, явятся пределами Предкавказья, ныне состоящего из Ставропольской губернии, областей Терской и Кубанской и Черноморской губернии.

Если по горным перевалам перекинуться на южную сторону Большого Кавказа, там будут губернии: Кутаисская, Тифлисская, Эриванская, Бакинская, Елисаветпольская, области: Дагестанская и Карсская и округ Закатальский. Эти губернии, области и округ составят нынешнее Закавказье.

Оно с востока и запада ограничено Каспийским и Черным морями. Проведя от мыса Копмуш, находящегося на Черноморском побережье несколько ниже Батума, на юг и потом на

юго-запад ломаную линию так, чтобы она, направляясь по отрогам Понтийского хребта, пересекла речку Чорох, а за городом Ольты пошла по отрогам Саганлукского хребта, пересекла реку Аракс и далее прошла по водораздельному хребту Эгридаг, отделяющему бассейны рек Аракс и Евфрат, затем прошла по вершине Большого Арарата и вступила в седловину, связывающую Большой Арарат с Малым, мы получим государственную пограничную черту между Россией и малоазиатскими владениями Турции. Протяжение ее – 521 с половиною верста.

Далее начинается государственная граница с Персией.

Сперва она поднимается по реке Карасу до Аракса и идет уже по берегам этой реки, причем левый берег Аракса принадлежит России, правый – Персии. По Араксу она идет, поднимаясь на северо-восток до Карадулинского поста, и отсюда почти под прямым углом спускается к юго-востоку по Муганской степи до реки Болгаручай. По этой реке граница спускается на юг, проходит по гребню Талышинских гор и сворачивает по реке Астары на восток к Каспийскому морю. Тянется граница с Персией всего на протяжении 756 верст.

Итак, теперь точно и определенно мы знаем границы Кавказского края, или Кавказа, состоящего, как уже выяснилось, из Предкавказья, Кавказа и Закавказья. Но является новый и интересный вопрос: куда следует относить Кавказ – к Европе или Азии?

Население страны смешанное донельзя: арийцы, семиты, кавказцы, тюрки, монголы, финны. Языки тоже смешанные: индоевропейской и уралоалтайской семей, картвельской и западно- и восточно-горской групп. Религия в первых веках от Рождества Христова здесь преобладала христианская; в древние века великие завоеватели – римляне, забиравшиеся с завоевательными целями и сюда, дали стране свою высокую цивилизацию...

Так куда же причислить Кавказ?

Ученые-геологи отвечают на такой вопрос тем, что, по их объяснениям, Кавказ в своем общем целом никоим образом к Европе причислен быть не может.

Это – Азия, и Азия несомненная.

Доказывают это ученые тем, что на севере Предкавказья существует проходящая через весь перешеек Кумо-Манычская впадина, называемая так от реки Кумы, впадающей в Каспийское море, и озера Маныч. По геологическим исследованиям, во времена самой глубокой древности, когда еще земля переустраивалась в различные геологические эпохи, на месте нынешней Кумо-Манычской впадины был пролив, соединявший Черное море через Азовское с Каспийским, и упоминаемая выше впадина не что иное, как дно этого пролива.

На основании этих данных Кавказ в полном его объеме непременно должно относить к Азии. Исконные обитатели Кавказа неизвестны, но раз был этот пролив, отделявший Азию от Европы, то коренным населением страны могли быть только народы азиатского происхождения, для которых была полная возможность селиться здесь, приходя сюда сухим путем, тогда как народам европейского происхождения ради этого пришлось бы переправляться через водное пространство, что, конечно, не было для них возможным. Да и горы Закавказья указывают на то, что эта страна всецело связана с Азией, ибо в большей своей части Закавказье представляет собой нагорье и тем связано с западноазиатскими плоскогорьями, составляя с ними горные страны.

Итак, Кавказ – несомненная, неоспоримая Азия, и что в нем есть европейского – все это пришлое, наносное, хотя и утвердившееся уже на почве Кавказа не веками даже, а целыми тысячелетиями. По своему профилю Предкавказье – страна равнинная. Его равнины мерно переходят в придонские и приволжские степи на севере. В середине же Предкавказья поднимается так называемая Ставропольская возвышенность, разделяющая страну на Западное и Восточное Предкавказье и являющаяся водоразделом рек Черноморско-Азовского и Каспийского бассейнов. Ставропольская возвышенность своею южною частью подходит к так называемым контрфорсам Большого Кавказа, воздвигающимся здесь террасами, и у города Ставрополя высочайшая его точка – 343 сажени над уровнем моря. У Пятигорска на этой воз-

вышенности группа из пяти скалистых невысоких гор, из которых средняя называется Машук, а высшая – Бештау, соединяет Пятигорье с Большим Кавказом Ослиным хребтом. Южная часть Предкавказья, подходящая к Большому Кавказу, образует равнины: Кубанскую (Закубанье), Кабардинскую (Большая и Малая Кабарда), Владикавказскую (Осетия) и Чеченскую (Большая и Малая Чечня). На юго-востоке до дельты Терека тянется окончание Кумыкской низменности.

На то, что Кавказ принадлежит к Азии, не менее ясно указывают и реки Предкавказья.

Только Кубань и Терек, обязанные своим существованием ледникам и вечному снегу на вершинах Эльбурского Кавказа и питающиеся также одними только горными водотоками, представляют собой нечто значительное. Реки на севере Предкавказья ничтожны, кроме Еи. Этот север имеет степной характер, и по этому одному уже реки его мелки. Наиболее крупные северные реки: Ея, оба Маныча и Кума-Гейдук, по мелководью не подходящая даже к Каспию и образующая «проран» – нечто вроде огромного болота, в которое она и изливает свои грязные воды.

Ея не принадлежит, собственно говоря, к Кавказскому краю, а является только пограничной рекой.

Маныч вытекает из астраханских соляных грязей и впадает в Дон. Вода в нем горько-соленая, а речонки, впадающие в него, почти все носят название «горьких». Наиболее значительные из притоков Маныча: Калаус с Чхлой, Грушевкой и Атлой и вышеупомянутые Егорлыки.

Наиболее значительную рекою является Кума, древний Удон, у черкесов – Кума-иш, вытекающая из гор Большого Кавказа вблизи от того места, где в Кубань впадает Теберда. С правой стороны в Куму впадают Подкумок и Золка, с левой – Таплык, Кумские Барсуки, Средний и Сухой Карамык, Томузлов, Буйвола и Сухая Буйвола.

Кубань, древняя Гипонис и Алардае, у Птолемея – Вардан, у древних хазар – Урсуг, наименьшая река Предкавказья. Она скатывается из ледников Эльбруса с высоты 4 с небольшим верст и мчится прямо на север, затем у станицы Невинномысской довольно круто поворачивает на северо-запад и затем у станицы Телишбакской прорывается по равнине совсем на запад к Черному морю. У станицы Троицкой она делится на два рукава: одним впадает в Азовское море, другим – левым – в Черное, образуя обширный Кубанский лиман с тремя заливами: Кубанским, Темрюкским и Ачуевским – и двумя большими островами: Ачуевским и Таманью. Все пространство между обоими рукавами покрыто камышами, болотами, часто заливаемыми разливами. Притоки свои Кубань принимает только слева, ибо идет вдоль Кавказского хребта, со снеговых вершин которого берут начало питающие ее своими водами Теберда, Большой и Малый Зеленчук, Уруп, Лаба, Белая и некоторые другие. Справа в Кубань впадает Тохтамыш, Бетмак, Невинка, Барсуки, Горькая, Камышеватая, Терновка. Все они столь незначительны, что скорее могут почитаться ручьями, чем реками. Как и все горные реки, Кубань мелководна и становится доступною для судоходства, да и то с большими затруднениями, только от Екатеринодара.

Терек – река казачья, жалованная казакам самим Грозным царем Иваном Васильевичем...

Женился Грозный царь на черкесской княжне Марии Темрюковне, и тут случилось, что понаехали на Москву старшины грбенских казаков.

Вот они и говорят Грозному царю-государю, как это передается в одной старинной казачьей песне:

– Ой ты, батюшка наш православный царь!
Чем ты нас подаришь, чем пожалуешь?
– Подарю я вам, казаченки, да пожалую

Рекою вольною, Тереком Горынычем,
Что от самого гребня до синя моря,
До синя моря до Каспицкого.

И стал Терек Горыныч вольною казацкою рекою с той поры. И недаром его воспевали и казацкие баяны, и поэты великие и малые. По батюшке возвеличали его казачки, ибо вырывается он из ледников и катится вниз с высоты почти четырех верст, катится так, как одни лишь водопады катятся; Казбек обежал в своем беге, весь в пене, что подвернется – все сокрушает, горы прорвал и через Дарьял в равнину ворвался, у Владикавказа на волю выбрался – на плоскость, а еще от Дарьяла на северо-запад завернулся, но вдруг ударила в него речонка Малка, и Терек Горыныч круто завернул к «синю морю Каспицкому» и множеством рукавов ворвался в одном месте прямо в него, в другом месте – в Аграханский залив. Пока на север неслись Терек Горыныч, все и справа и слева принимал к себе реки, а как повернул на восток, то только справа принимать стал – те реки, которые с родного ему Кавказского хребта к нему пробились: Сунжу принял, Сунжа приняла Ассу, Аргун, но Терек Горыныч не стал оттого доступнее, судоходство по нему невозможно: мелок он и быстр в то же время...

Терек – Теркх у армян, Терек у персов и турок, Терги и Ломехи у грузин. Из бесчисленных рукавов его дельты особенно выделяются три: Южный Аксай, который в то же время называется и Тереком, средний – Сухой Терек (Кара-Терек) и северный – Борозда, впадающий, в свою очередь, двумя источниками.

Терек замерзает из-за быстроты своего течения очень редко, и притом на три-четыре недели, не более. Кубань течет медленнее Терека, и продолжительность ее замерзания большая – с ноября до марта.

Следует сказать несколько слов о Дарьяльском ущелье, через которое прорывается Терек с гор в равнину. Грузины называют его Кхевизкари, древние арабы называли Баб-Алалак – Аланские ворота, другие древние историки – Кавказскими воротами, ибо отсюда вторгались в Грузию с севера скифы и сарматы и здесь были заграждавшие проход крепости. По народному преданию, здесь в оны времена жила разбойница по имени Даризель, и памятником ее подвигов являются развалины замка-крепости с подземным ходом на Терек. Само по себе ущелье представляет две гигантских горных гряды, поднимающиеся отвесно справа и слева вокруг дороги, выходящей по берегу бешено мчащегося вперед Терека. Малка, впадающая в Терек немного ниже Екатеринодара, вытекает тремя источниками из Карачаевских гор, около Екатеринодара она принимает в себя реки Баксан и Чегем, с притоками последней – Урваном, Нальчиком и Чалухвой, а также реку Черек, и, став рекою многоводною, ударяет в Терек, как бы заставляя его насильно изменить направление.

Есть еще реки, тоже горные. Но они уже прямо в Каспий текут. Таковы могучие, бурные, бешено мчащиеся по каменному руслу Самур и Сулак. Последний сразу из четырех рек составил: Аварское Койсу, Андийское Койсу, Казикумыкское Койсу и Кара-Койсу.

И Самур, и Сулак – это реки Дагестана, но они так же, как и Терек, текут по не особенно густо заселенным местам. У Черного моря чернозема много – там и люди селились охотно. У Каспийского – солончаки, пески, глина – селились лишь те, кто обрек себя на жизнь воина. И население здесь всегда было воинственно: и пришедшее, и оседлое, а на Кубани все потише было, хотя и там велась с обеих сторон отчаянная кровопролитная война.

Предкавказье носит равнинный характер, Закавказье в большей своей части – нагорье. В этом отношении, прежде всего, закидал Закавказье своими южными отрогами и контрфорсами Большой Кавказ, и особенная гористость имеется здесь в средней части Главного хребта. Затем, в северо-западном углу Закавказья находится обширное нагорье – вышеуказанный Малый Кавказ, занимающий западное и срединное Закавказье; на северо-востоке – страна, занятая отрогами Понтийского хребта, обрамляющего север Малоазийского плоскогорья; юго-

восток Закавказья имеет степной и равнинный характер, а на границе Персии поднимаются Талышинские горы.

Остановимся ненадолго на Малом Кавказе. Эта горная страна расположена между долинами рек Куры, Аракса, Риона и Чороха. По профилю своему Малый Кавказ состоит из ряда горных перепутанных между собой цепей, изрезанных ущельями. Местность очень дикая и живописная, резко разнящаяся в различных своих частях по своей растительности. Замечательна здесь по своей красоте, густоте своих лесов горная страна Чорохский край, раскинувшийся на западе Малого Кавказа.

Наиболее значительным хребтом здесь является уже упомянутый при описании Большого Кавказа Сурамский хребет, идущий от вершины Терского Кавказа – Зикари. Этот хребет, протянувшись на юго-запад и являясь водоразделом рек Куры и Риона, делит Закавказье на две почти равные, но совершенно различные по своему климату, растительности, характеру части – западную и восточную. Заканчивается Сурамский хребет вершиною Цхал-Цители и переходит уже в северную окраину Малого Кавказа, которая разрывается живописнейшим Боржомским ущельем с спускающейся по нему на восток рекою Курю. Западные скаты хребта носят название Аджаро-Ахалцихских гор; восточные – Триалетских. В первом наиболее замечательные вершины – Ненис-Цикро, Цхал-Цители, Самомлия, Зотимери. Из перевалов наиболее удобный Зикарский, по которому через Абас-Туман проходит дорога между Кутаисом и Ахалцихом. В Триалетских горах наиболее замечательные вершины – Кара-Кая, Арджевон, Ашора. От завершения этих гор идут уже южные крайние горные цепи Малого Кавказа – Аджаро-Триалетские горы, значительно поднимающиеся над северными. К южной подошве примыкают котловина Ахалцихская, нагорье Ахалкалакское, возвышенность Цалко-Лорийская, причем первая подходит к Ардагано-Карсскому плато, второе окаймляется на востоке так называемыми Мокрыми горами и примыкает к западной и восточной окраине Гокчинской котловины, откуда отбрасываются многочисленные отроги Триалетских гор, известные под общим наименованием Гокчинских. Наконец, Цалко-Лорийская возвышенность, вся покрытая многими отрогами и невысокими хребтами, спускаясь к реке Куре, переходит в Борчалинскую равнину. На некоторых вершинах Гокчинских гор круглый год лежит снег, ибо многие из них поднимаются на высоту полутора верст и более. Горы, окружающие Гокчинскую котловину, спускаясь во все стороны своими отрогами, образуют на северо-западе Казахскую горную страну, примыкающую к среднему течению Куры, на юге и юго-востоке Карабахское ущелье и на юго-западе Даралагезскую горную страну. На запад от Гокчи лежит Эривано-Алагезская возвышенность, название которой происходит от самой высокой вершины Малого Кавказа – потухшего вулкана Алагез, вздымающегося в высоту двух с половиною верст, и от этой возвышенности, уже на запад, начинается вышеупомянутое Ардагано-Карсское плато, сплошь состоящее из древних вулканических пород и представляющее собой ряды коротких горных хребтов и отдельных горных вершин. Заключает на крайнем юге Малый Кавказ высокий Эградигский хребет, тянувшийся по восточной границе с Турцией, по правому берегу Аракса, бассейн которого отделяет от бассейна верхнего Евфрата.

Самые большие реки Закавказья – Рион и Кура с Араксом. Первый (Фазис – в древности) – самая крупная из рек Западного Закавказья, течет к Черному морю. Начинается Рион из южных склонов Большого Кавказа и течет с северо-востока на юго-запад. У Кутаиса Рион выходит из гор, круто поворачивает на запад и двумя рукавами впадает в Черное море. Другая из крупных рек Западного Закавказья – Чорох принадлежит своим низовьям России только на 84 версты.

Крупнейшая река Восточного Закавказья – Кура вытекает из находящихся на северо-западе от Карса болот Ардагано-Карсского плато. Отсюда Кура медленно течет на северо-восток, мимо Ардагана, скатывается с плато в Ахалцихскую котловину, проходит мимо Ахалциха, прорывается через Боржомское ущелье и, прорвавшись через Аджаро-Триалетские горы,

повертывает у Гори на юго-восток. За Елисаветполем река выходит из гор и делает множество излучин, бежит к Каспийскому морю, принимает на пути около Джевета Аракс и двумя рукавами впадает в Каспий, образуя свою дельтою Сальянский остров. Левые, наиболее значительные, притоки Куры – Посховчай, Лиахва, Арагва, Алазань с Иорою; правые, менее значительные, чем левые, – Эрам, Акстафа, Тертер и, самый знаменитый, Аракс с Арпачаем, Карачаем, Зангой и Бергушетом.

Из озер Кавказского края наиболее замечательно озеро Бокча, в юго-восточной части Малого Кавказа. Другие озера незначительны, и о них будет упоминаться в случае надобности при описании современного Кавказа, точно так же, как и о реках, не имевших исторического и стратегического значения.

Русь на Кавказ прошла с севера. Сперва ее границей была Ея, потом Терек. С Еи уже на Кубань перебрались, а на Тереке в незапамятные времена еще русаки-казаки осели. До Закавказья им мало было дела. Знали, что там Кура с Араксом течет; знали, что у Куры Посховчай, Лиахва, Арагва, Алазань с Иорою – главные притоки, но Закавказьем Русь долго не интересовалась, довольно и того было, что Предкавказье как-то само собою под рукою Белого царя оказалось. Горы да выходы из них сторожили зорко, а там, за горами, что делалось – это не наше дело было...

А за горами была страна-страдалица, века молившая Русь Великую принять ее в свои материнские объятия, защитить от страшных, свирепых, как звери, врагов, кровью заливших весь многострадальный край, веру православную дерзко попиравших.

Этот свирепый враг многострадальной страны была Персия со своими извергами шахами.

Многострадальная страна была Грузия, хорошо знакомая русским еще со времен первых их призванных из-за моря князей.

Очерк второй Грузия многострадальная

*...И выстрел снова...
И дикий крик, и стон глухой
Промчались в глубине долины...
Недолго продолжался бой;
Бежали робкие грузины.*

М. Ю. Лермонтов

Далекое прошлое многострадальной Грузии

Грузия была действительно страной-страдалицей.

Таких «стран-мучениц» совсем немного на белом свете. Если поэт говорит, что при одиночном выстреле, сразившем насмерть князя Синодала, «бежали робкие грузины», то эта робость вполне объяснима. Как тут не пугаться выстрелов и не бежать, когда про Грузию говорили, что в этой стране у каждой семьи есть в числе святых мучеников за веру родственник...

А между тем Грузия – страна с великим прошлым, страна, населенная способнейшим народом, переполненная всякими природными богатствами, страна, цивилизовавшаяся еще в то время, когда все соседи окрест ее по своему духовному и государственному развитию стояли на одном уровне с дикарями. Между тем ни величие прошлого, ни могучая цивилизация не спасли Грузию от невообразимых бед...

В чем же дело? Где корень множества постигших Грузию напастей?

Да в том, на наш взгляд, что Грузия как государственный организм пережила самое себя, одряхлела, и эта дряхлость застигла ее в то время, когда окружавшие ее народы встрепенулись после долгой спячки и, получив толчок с азиатского Востока, по воле судьбы, требующей непрямого преобладания для сильнейшего, кинулись вперед, но, остановленные в своем стремлении Кавказским хребтом, всею силою своего удара обрушились на Грузию, и Грузия, изнеженная своею цивилизацией, Грузия, страна высшего духовного развития, не имела достаточно физических сил, дабы дать отпор внезапно нахлынувшим на нее живым волнам.

Теперь, говоря про Грузию, всю ее как бы вмещают в одну Тифлисскую губернию, а между тем было время, когда под именем Грузии понималась совокупность пяти могучих царств: Карталинии, Кахетии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, да к этому можно прибавить Абхазию со Сванетией. О грузинах как о народе знали и упоминали в своих сочинениях пророки Моисей и Иезекииль; о них же говорит Геродот; греческий историк Ксенофонт, описывавший отступление греков, восхищается храбростью сражавшихся калхов и месхов – одно из указанных древними историками названий грузинского народа.

Моисей знал грузин под наименованием народа мешех (месех или позднейшее – месхи). Что народ этот мог быть известен древнему еврейскому вождю и пророку, подтверждается тем, что среди грузин есть предания, по которым они являются прямыми потомками праотца Ноя, ковчег которого после потопа остановился на недалеком от нынешней Грузии Арарате. Невозможного в этом нет. Кто-нибудь из внуков или правнуков праведного Ноя мог остаться со своею семьею под благословенным небом этого края и, следуя завету Творца, плодился и размножался, так что уже вскоре после потопа явился целый народ. Вероятность этого предположения подтверждается еще и тем, что основанием первоначальной религии грузин является вера в невидимого Творца неба и земли, то есть именно то самое религиозное воззрение, которое, судя по библейским сказаниям, сохранилось после потопа только в одном семействе праведного Ноя.

Итак, вот к какой седой древности может быть относимо возникновение грузинского народа.

Вряд ли подобной родословной могут похвастаться другие населяющие Землю народы, если, конечно, не считать евреев, ведущих, как известно, свой род от еще более отдаленного праотца – самого первосозданного Адама...

Своим родоначальником грузины считают некоего Картлоса, жившего за 2100 лет до Рождества Христова. От этого Картлоса пошел картвельский народ. Картлос жил со своим семейством при слиянии Куры и Арагвы, и по его имени страна, населенная его потомками, стала называться Картлией, и потом, когда язык стал мешаться, – Карталинией.

Предания даже прямо указывают, что родоначальник грузин, Картлос, был правнуком Иафета, сына Ноя, то есть праведному праотцу, уцелевшему при Всемирном потопе, приходился праправнуком. Те же предания говорят о Мцхетосе, сыне Картлоса, по имени которого названа первая и древнейшая столица Грузии – Мцхет, затем о его сыновьях Уплосе и Джевахосе, давших первоначальное бытовое устройство разрозненным грузинам.

Этот первоначальный быт был родовой. Каждая семья со всеми последующими потомками составляла семейную общину, во главе которой стоял старейший в роде, именовавшийся «мамасахлис» и пользовавшийся неограниченной властью над всеми остальными своими сородичами.

Так, не замечаемые никем, жили «картули», как называли себя нынешние грузины с древности по первую половину VII века до Рождества Христова.

Здесь очень кстати будет сказать, что наименование «Грузия», «грузины» всегда было чуждо этому народу. Появление наименования «Грузия», «грузины» объясняется тройко. Во-первых, его производят от испорченного сирийского слова «гариз», что значит «просо». Объясняется это словопроизводство тем, что в Сирии и Палестине грузины были известны как первый народ, принявшийся за возделывание проса. Затем название Грузии производят от персидского ее наименования Гурджистан, что означает «страна силы», или арабского Джурджистан, что означает «страна Джуры», то есть реки Куры. Наконец, приписывают название Грузии тому, что в этой стране особенным почитанием пользовался святой Георгий Победоносец, являвшийся, по уверениям византийских историков, покровителем Грузии. У французов Грузия так и называется – *Georgie*, у англичан – *Georgia*, но у немцев уже – *Grusien*.

В 633 году до Рождества Христова Грузия подверглась первому нашествию дикарей. С севера, с нынешних Дона и Волги, явились хазары.

Они без труда покорили разрозненных и совсем невоинственных картули. Покорив их, хазары не вернулись в свои степи, а поселились среди покоренных. Так как последние превосходили своих победителей духовным развитием, то быстро и легко из побежденных превратились в победителей. Без борьбы исчезли, «растворились», так сказать, пришельцы в богатом духовными силами народе и, восприняв от него культурное развитие, заплатили за него тем, что передали последующим поколениям целиком свои воинственность и храбрость, то есть то, чего у картули до тех пор и в помине не было.

Раз в народном организме появились физические силы, то естественно, что они требовали себе выхода. Начались упорные и долгие войны с мидянами, причем грузины ходили на Мидию с войсками знаменитого Кира Персидского. Тут они успели обратить на себя и в особенности на свою страну внимание персов.

Когда знаменитый сын Манданы, дочери Астиага, царя мидян, был убит царицей массагетов Тамарысою, его преемники кинулись с завоевательными целями на Грузию, но грузины легко и свободно дали им могучий отпор. Эта победа придавала такое мужество грузинам, что они очень охотно стали давать у себя место вытесняемым царем Навуходоносором народам. Переселенцы были принимаемы с радушием. Может быть, грузины помнили ту пользу, какую получил их народ от расселившихся по Грузии воинственных хазар, но зато они не предусматривали иной опасности. Для переселенцев Грузия была совсем чужой страной, и когда эти переселения дали повод царю персов Артаксерксу напасть на Грузию, то Артаксерксовы орды без особенного труда покорили грузин.

Появление пришельцев и смешение с ними теперь не усилило, а ослабило грузин и в особенности отразилось на их духовном развитии. Быстро стало исчезать являвшееся признаком высокой культуры верование в невидимого Творца мира, и его заменило грубое обоготворение не отвлеченного, а вещественного. Сперва грузины стали поклоняться солнцу, луне, звездам, а потом перешли и к грубому идолопоклонству, но верование в невидимого Бога не исчезло. Его застал еще в Грузии всемирный завоеватель Александр Македонский, покоровший Грузию в

IV веке до Рождества Христова. Он поставил над Грузией своего наместника Язона, который ради того, чтобы окончательно подавить в грузинах всякое стремление к самостоятельности, заставлял их поклоняться серебряным идолам Гацы и Гаиму. Но тогда среди грузин явился некий муж по имени Фарнаоз или Фарнаваз, бывший одним из прямых потомков Картлоса. Он уговорил мамасахлисов передать ему свои державные права, то есть объединил разрозненные дотоле роды в одно целое. Свершив это дело, он организовал войско и прогнал из Грузии Язона и его отряд. Страна была освобождена от иноплеменников, но Фарнаоз временно переданные ему державные права удержал за собой и стал первым царем объединенной им Грузии.

Фарнаоз, умерший в 337 году до Рождества Христова, дал Грузии новое административное устройство, разделив ее на восемь эриставств, то есть административных округов. Затем он из эриставов и бывших мамасахлисов создал класс азнауры – грузинское дворянство. Он же объявил грузинский язык общегосударственным и изобрел для своего народа мхедрули – гражданские письма. Но этот царь не вернул народ к древней религии. Напротив того, в стране установилась при нем в качестве государственной религии религия Зороастра, заимствованная от персов. Фарнаоз так был увлечен идолопоклонством, что на могиле своего предка Картлоса поставил огромного идола Армаза, или Аурамазада, одетого в великолепные латы, с золотым панцирем, в венце, осыпанном драгоценными камнями. Во всем остальном мудрость Фарнаоза была несомненна: он строил города, крепости, организовал армию, установил идеальный порядок престолонаследия, оставив после себя наследником престола своего сына.

При преемниках Фарнаоза Грузия была могущественна. Хазары, мидяне, персы, являвшиеся с завоевательными целями, были отбрасываемы, и вот наконец в I веке до Рождества Христова на иберов, как назывались иногда грузины, обратил свое внимание сам Рим семихолмный.

Помните о Риме?

Рим! —

воскликает стихотворец —

Реет повсюду твоих легионов
Всесокрушающий грозный орел!

Римские легионы в 66 году до Рождества Христова сокрушили могущество Митридата Великого Понтийского, который бежал через Колхиду в свои владения на северном берегу Черного моря. Знаменитый римский триумvir Помпей преследовал Митридата со своими легионами, покорил Армению и остановился зимовать на берегу реки Куры. Впереди была Иберия (тогдашняя Грузия), царствовал в ней тогда Артаг. Он не пропустил римлян через свои владения. Помпей двинул легионы за Куру. Произошли кровопролитные битвы. Иберы сражались с поразительной стойкостью, но были поражены римлянами. Помпей принудил Артага стать в зависимость от Рима и дал ему в соправители некоего Аристарха, которого он поставил царем Колхиды (Западной Грузии). Однако, как только ушли Помпеевы легионы, иберы прогнали Аристарха и объявили себя опять независимыми. Тридцать лет без малого оставляли их в покое римляне, но в 36 году до Рождества Христова явился в Иберию римский полководец Канидий, который хотя и разбил войска царствовавшего тогда в Иберии Фарнаоза, но после этого заключил с ним союз и воспользовался его войском для покорения других народов.

Благодаря появлению римлян сохранились довольно точные сведения о Грузии того времени. Их оставил нам историк Страбон. По его описанию, Иберия изобиловала городами, постройки в которых были каменные. В долине реки Куры жило миролюбивое земледельческое население, а по отрогам гор – воинственное, мало уступавшее в этом отношении своим

соседям – скифам и сарматам. Народ иберский, по Страбону, делился на четыре сословия. Из первого сословия, самого знатного, выбирались цари, верховные судьи и полководцы; второе сословие представляли собою жрецы, которые вместе с тем наблюдали и за справедливостью в сношениях с соседями; третьим сословием были воины и земледельцы и, наконец, четвертым простой народ – крепостные, обязанные беспрекословною службою на царя и верховных правителей. Сохранилось также и родовое правление; семейными общинами управлял старший в роде, которому принадлежало все имущество его сородичей и право управлять им.

Около пяти веков после этого Грузия была счастливою хотя бы потому, что во главе ее стояли мудрые правители. В течение с лишком пяти веков в Грузии царствовали две династии: Фарнаозианская и Аршакуниатская, что может служить свидетельством незыблемости государственных устоев страны.

В первые три века от Рождества Христова Грузия хотя и была самостоятельною и имела своих царей, но все-таки находилась под влиянием Рима. Римский император Веспасиан со своими сыновьями, Титом и Домицианом, называл своим другом Митридата, царя иберийского; император римский Адриан вызывал в Рим для оправдания другого царя иберов, Фарасмана, который успешно оправдался перед императором. Поддерживаемые римлянами, иберы вели успешно борьбу с парфянами и армянами. Римляне в Иберии улучшили пути сообщения, ввели свое устройство в армии, римская монета обращалась среди иберов, но беспрестанные, хотя и счастливые войны изнуряли народ, так что иберы стали сильно тяготиться римским владычеством.

В 352 году от Рождества Христова умер, не оставив наследника мужского пола, царь Аспагур из Аршакуниатской династии. После него осталась одна только дочь по имени Абешура. Таким образом, на престол должна была вступить женщина, и это было нарушением закона первого Фарнаоза. Эриставы и вельможи оказались в затруднении и не знали, что делать. Однако они скоро нашли выход. В Персии царствовал знаменитый своею мудростью Хозрой II, у которого был сын Мирван, обещавший во всем выйти в знаменитого своего отца. Этого-то Мирвана грузинские правители и избрали в супруги Абешуры. Они выпросили его у Хозроя, причем обязали клятвой управлять Грузией по ее законам и не вводить в ней ничего персидского. Мало того, грузинские дипломаты сумели так обставить дело, что Хозрой в приданое за сыном отдал Грузии только что завоеванную им Армению.

Мирван, женившись на Абешуре, вступил на престол Грузии под именем царя Мириана II, основав, таким образом, династию Сасанидов. Он семьдесят семь лет правил с такою твердостью, что ни разу у грузин не было повода раскаиваться в своем выборе. Когда умерла Абешура, он хотел было оставить престол, но весь народ, как один человек, слился в стремлении удержать мудрого перса на престоле Грузии. Мириан остался и женился вторым браком на Нине. Он теперь так вошел в интересы своего нового отечества, что не задумался начать войну с своим младшим братом Норех-Бартомом, который наследовал их отцу Хозрою II. Он намеревался всю Персию присоединить к Грузии и только из жалости к брату не сделал этого и ограничился тем, что отнял у него громадную Джазирехтскую провинцию, половину Сирии и Арабиджана.

При Мириане же грузины овладели Каспийским побережьем, выгнали оттуда хазар и укрепились на Кавказе, подчинив себе Осетию. Одновременно с этим Мириану пришлось в течение тридцати лет вести борьбу за Армению с сыном последнего армянского царя Турдатом Великим.

Грузия стала по своей площади более Персии, могущественнее ее по своим силам, но в то же время истощилась в бесконечных войнах духовные силы народа, и свое обновление грузины нашли в христианстве.

Радости и беды прекрасной Грузии

Грузины по своим религиозным воззрениям были в одно и то же время идолопоклонники и огнепоклонники. Два различных религиозных культа совместились в один. Народ поклонялся истуканам, как, например, медному истукану Армазу, стоявшему на могиле Картлоса, поставленному их первым царем Фарнаозом, золотому Гонизу и серебряной Гаим, оставшимся народу от Язона. У них были и другие идолы, серебряные и золотые, которым они приносили жертвы: животных, плоды, цветы. В Мосхийских горах, на границе Иберии и Колхиды, стоял храм Левкотай с оракулом Фрикса; в то же время грузины обоготворяли солнце, луну, звезды, поклонялись деревьям. Но память о невидимом божестве не могла пропасть в этом народе. В Грузии жило много евреев, поддерживавших непрерывные сношения с Иерусалимом, и вот в третий год царствования царя Адерка по Грузии пронеслась весть о рождении в Вифлееме Спасителя. Тем же самым путем проникла сюда весть и о крестной смерти Его на Голгофе.

Это свершилось так.

Евреи, жившие в столице Грузии – Мцхете, ежегодно посылали в Иерусалим своих уполномоченных для присутствования на празднике Пасхи. В год крестной смерти Спасителя мцхетские евреи послали в Иерусалим благочестивого Елиазара, или Елиоза. Он был свидетелем голгофского события и был потрясен им до глубины души. Пораженный всем виденным, Елиоз купил у римского воина доставшийся тому по жребию (Евангелие от Луки, 23: 34) хитон Спасителя. Когда он возвратился вместе с этой драгоценностью на родину и рассказал обо всем виденном им, то Сидония, по одним указаниям – его сестра, по другим – дочь, так была поражена рассказом о крестных страданиях и смерти Иисуса Христа, что схватила Его хитон и тут же пала мертвою. Ее так и похоронили вместе с драгоценным хитоном, и над ее могилой вырос высокий кедр, как бы уничтожая следы погребения благочестивой еврейки.

Прошло немного времени, и по всему Кавказу пронеслась весть о Христе: святой апостол Андрей Первозванный вместе с другим апостолом, Симоном Канонитом, принесли ее. Последний и умер на Кавказе, и в Анакони поныне указывают его могилу, которая была предметом благоговейного почитания и поклонения даже наиболее свирепых дикарей Кавказа. Затем, в 100 году от Рождества Христова, сюда был сослан папа Климент, и от него грузины тоже просветились светом Христовой веры. Сюда же бежало из римских владений много христиан, составивших здесь церковь, относящуюся к Антиохийской патриархии, но христианство все-таки было лишь исключительным явлением. Идолопоклонство преобладало, и нужен был могучий толчок извне, дабы оно окончательно было побеждено новой религией, дававшей своим adeptам величайшую нравственную силу.

И этот толчок последовал.

Царь Мириан вместе со своим племянником, персидским царем Санором, сыном Норех-Бартома, в 312 году от Рождества Христова напал на только что основанный римским императором Константином Великим Новый Рим, будущую великолепную столицу Византии. Нападение грузин и персов было отбито христианами, составлявшими войска Константина и кинувшимися в битву со знаменем, на котором был изображен крест с знаменитою надписью «In hoc vincis» («Сим победиши»). Когда Мириан узнал, что значит эта надпись и какое значение имеет крест, он приписал свое поражение чуду и ушел, заключив для себя невыгодный мир с римским императором. В это время жила в послушании у армянки-инокини Ниафары молодая девушка по имени Нина, дочь римского полководца и сестры иерусалимского патриарха Ювенала, близкая родственница святого великомученика Георгия Победоносца. Эта девушка часто слыхала от Ниафары о попавшем в Иверию через Елиоза хитоне Господнем, и ею овладело желание во что бы то ни стало найти драгоценную реликвию и проповедовать иверам слово Божие. День и ночь молилась Нина Пресвятой Деве, прося ее помощи. Богоматерь яви-

лась ей в сонном видении, вручила крест, сложенный из виноградных лоз, и сказала: «Иди в Иверскую страну и благовествуй Евангелие. Я буду тебе Покровительницей». Проснувшись и увидав в своих руках чудный крест, Нина со слезами облобызала его и перевязала своими волосами. Вскоре святая Нина явилась на истоках неведомой ей реки (Куры) и, следуя по ее течению, достигла Мцхета в день празднования народом Армаза. На высокой горе стоял исполкинский кумир, горевший золотом; по сторонам его – два других, которые, как говорит предание, поражали огнем всякого дерзавшего подступать к ним без воли жрецов. Гремели трубы, курился фимиам, текла кровь жертв; царь Мириан со всем народом простирался ниц перед идолами, и только одна чуждая, никому не ведомая дева не преклонила колен. Внезапно среди ясного дня разразилась страшная буря с молниями и громом; капище рушилось, и среди развалин его лежали остатки разбитых, поверженных кумиров. В ужасе бежал народ, и на развалинах осталась одна Нина, спокойно смотревшая на возникшую и утихшую около нее бурю стихий. Это было 6 августа, и день Преображения Господня стал для Иверии днем, сменившим тьму язычества на свет христианской истины. С этого дня начался ряд подвигов и чудес Нины, память о которых сохранилась в местных преданиях, записанных и царем-летописцем. В царском саду, у таинственного кедра, укрывавшего хитон Господень, часто молилась святая Нина, и там посещали ее дивные пророческие видения. Однажды стая черных птиц, омывшись в водах Арагвы и ставши белыми, как снег, села на ветвях кедра и огласила весь сад райскими песнями – это был символ крещения народа иверийского. В другой раз видела она страшное падение окрестных гор Армаза и Задена с их идолами, слышала звуки битв, вопли бесовских полчищ в образе персидских воинов, как бы вторгавшихся в столицу Грузии, и страшный голос царя их, повелевавшего все истребить. Пораженная видением, святая Нина подняла знамение креста и тихо сказала: «Кончилось владычество ваше, ибо вот победитель», и все исчезло. Святая Нина исцелила Нину, жену царя Мириана, лежавшую уже на смертном одре, и одного из родственников персидского царя, заболевшего в доме Мириана; оба они из первых просветились крещением. Сам царь еще колебался. Но раз, когда он был на охоте, в соседних горах его настигла страшная буря, и царь вдруг ослеп. Пораженный, он пал на колени, восклицая: «Ты Бог над богами, Господь над властителями, Бог Нины!» – и в то же мгновение прозрел. Вся царская семья и народ, узнав о чудесном событии, вышли царю навстречу. «Славьте Бога Нины, Бога вечного», – говорил он народу и, не заезжая во дворец, посетил хижину Нины, пал на колени перед животворящим ее крестом и исповедовал Христа. Нина осенила крестным знаменем воды Куры и Арагвы, и в них крестились и царь, и грузинский народ. Один из потомков Елиазара, среди которых еще жило предание о хитоне Господнем, указал место его хранения. Таинственный кедр был срублен, и на его месте воздвигнут соборный храм, в котором и была положена святая одежда. Утвердив веру в Карталинии, святая Нина поселилась в Кахетии и там после тридцатипятилетнего апостольского подвига скончалась близ нынешнего города Сигнаха. Царь и епископ желали перенести останки ее в соборную церковь Мцхета, где она так часто любила молиться над хитоном Господним. Тогда совершилось новое чудо: никак не могли сдвинуть иссохшее тело подвижницы с избранного ею места для своего успокоения. Для Карталинии ею сделано было много, и она как бы хотела своим присутствием утвердить в вере вновь обращенную Кахетию. Царь Мириан соорудил здесь первую церковь во имя святого Георгия, в приделе которой и положил мощи святой проповедницы. Первое житие святой Нины описано было почти современным ей историком Руфином, который повесть о ней слышал от сына Мириана, грузинского царевича Бакура, живо помнившего еще рассказы о ней отца и его приближенных.

Ближайшим политическим последствием проповеди святой Нины было установление дружелюбных сношений с Византией. Император Константин Великий, по принятии Мирианом Христовой веры, послал ему гвоздь от креста Спасителя, часть Животворящего древа, часть мощей родственника святой Нины, великомученика Георгия, которого с того времени

народ стал считать покровителем своей родины. Между Грузией и Византией установился прочный мир. Мириан, умирая, был уже убежденным христианином. Он незадолго до смерти построил в местечке Бадбе храм во имя великомученика Георгия и завещал своему сыну считать врагами Карталинии идолов, сжигать их, а «пеплом кормить тех, кто их будет оплакивать». Однако идолопоклонство в Грузии существовало еще около двухсот лет после этого.

Следует заметить при этом, что христианство в Грузии распространялось исключительно путем проповеди, и никогда для водворения его в народе не было употреблено насилие.

Несколько более ста лет Грузия пользовалась относительным спокойствием. Были войны, но незначительные. Затем иверийский престол занял знаменитый Вахтанг I Горгасал (446–499). Этот царь был столь же замечателен, как и Мириан. Он отбил у византийцев отпавшие области Мингрелии и Абхазии, усмирил кавказских князей и горцев, заставил персов отказаться навсегда от мысли ввести в Грузии огнепоклонство, путем уговоров добился того, что высшее духовенство страны уже не присылалось из Константинополя, а выбиралось из природных иверийцев. Помимо этого Вахтанг был первым собирателем народных рукописей, неутомимым строителем городов. При нем Мцхет в 469 году уступил свое первенство Тифлису. Он был необыкновенно мудрый и проницательный судья, щедрый благотворитель. Но после его смерти начинается уже падение Грузии. Восемь без малого веков величия страны словно утомили народ. Теперь персы, с одной стороны, византийцы – с другой, смотрели на Грузию как на свою добычу. Между ними уже шла борьба за нее. Царь Гурген должен был бежать в Византию, а по возвращении, в 532 году, грузинские цари называют себя уже «мтивире» – владетельные князья, потому что персы лишили грузинский народ права выбора царей.

В 536 году Иверия распадается. Часть переходит под покровительство Персии, другая – древняя Джавохетия, область внука Картлоса, – отходит под покровительство Византии, которая в 550 году подчиняет себе Абхазию. В 586 году прекращается так возвеличившаяся, а затем и уронившая Грузию Хозроанская династия, и Юстиниан II возводит на иверийский престол константинопольского куропалата Гурима, открывающего собою династию Багратидов, потомки которой существуют в наше время и в последние сто лет дали России много полезных деятелей. При них история Грузии становится все печальнее и печальнее. Препного величия, могущества как не бывало. В 626 году разорил Иверию император Ираклий, сжегший Тифлис, а в следующем году иверы (грузины) сражаются в рядах византийских легионов против персов. Затем в несчастную Иверию вторгаются арабы, в конце концов подчиняющие себе весь Гурджистан. Но как государство Грузия продолжает существовать.

В народе заметно уже стремление не к одной воинской славе. Многие грузины отправляются в Константинополь и Рим, изучают науки и, возвращаясь, устраивают школы. Развивается умственная деятельность народа, зарождается искусство, являются книги, пока переводные, – словом, наблюдается обычное явление: с упадком, так сказать, физической военной силы государства быстро и широко развивается его умственная деятельность. Люди ума сменяют людей грубой физической силы...

В то же самое время Багратидам приходит несчастная мысль делить единое государство на части. Сперва Иверийское царство было разделено на Абхазское и Грузинское, затем, около 1009 года, на мелкие уделы. Однако народное самосознание стремится к политической самостоятельности.

После смерти Василия Македонского грузины при Баграте IV свергают византийское иго, но не надолго. При сыне Баграта, Георгии, турецкий султан Жакус, овладевший Персией, покоряет всю Грузию. Персы и турки производят страшные неистовства и разоряют прекрасную страну дотла.

Но Грузия все еще сильна. На престоле является любимым народом царь Давид II Возобновитель. Давид Возобновитель (1089–1125) вступил на престол шестнадцати лет от роду. Вся Карталина лежала в развалинах, Тифлис и многие области были заняты турками, в Имеретии

самоуправно властвовали греческие императоры под тем предлогом, что они – единственные покровители единоверного царства, и лишь горы и ущелья Абхазии были безопасным убежищем для царя и народа, а царскою резиденциею был Теагулистав у горы Лихи. В то же время буйные орды мусульман, завладевши плодоносными урочищами вокруг Тифлиса, неистовствовали в Карталинии и Кахетии. Персы терзали окраины царства, и даже армяне делали беспрестанные набеги в пределы единоверной страны. Цветущие местности превратились в пепелища, плодоносные поля – в пустыни. И царю предстояла великая задача залечить тяжелые раны царства. На помощь к нему пришли начавшиеся тогда Крестовые походы, отвлекшие полчища турок и давшие возможность развернуться собственным силам отдохнувшей Иверии.

На опустошенные врагами равнины Давид пригласил горных осетин, и те охотно согласились променять свои бесплодные скалы на плодоносные земли Грузии. С помощью их он и совершил великое дело освобождения родины. Как только он узнал, что франки овладели Иерусалимом, он тотчас сбросил позорное иго турок, перестав платить им дань. И это был истинный подвиг, совершенный Давидом в самом начале царствования. Но не вдруг и не так легко отказались турки от своих притязаний на Грузию, и освобождение ее стоило много крови и им, и Давиду. С малым числом своих войск он поражал сильных врагов и, начав с Абхазии, окончил свои подвиги в Дербенте, сломив железные ворота, устроенные там со времен халифата. Нашествия врагов во все время его царствования следовали одно за другим непрерывною чередою, но в ужасе обращали перед ним тыл вожди сельджуков и персов, не знавшие дотоле поражений, и оставляли в руках его пленных и сокровища, которыми он обогатил свое царство. Так, когда осенью 1121 года несметные арабские полчища вторглись в Триалетскую область, одной битвы достаточно было, чтобы их рассеять, и весь стан Давида наполнился золотом, серебром, великолепными чашами пиршества, драгоценными коврами и оружием; арабские кони сделались обыкновенными – так их было много в грузинском лагере; сирийские вожди доставались пленниками простым поселянам. Однако Тифлис, столица Грузии, долго еще оставался в руках сарацин, крепко сидевших в его цитадели. Но Давид и не заботился об этом, зная, что, прочно утвердившись в стране, не трудно овладеть столицей, и уже только в конце своего царствования, в 1122 году, внезапным нападением захватил Тифлис в свои руки. И тогда от моря Черного до моря Каспийского все покорилося его владычеству. И силы страны настолько возросли, что она могла отрядить уже своих сынов в далекую Палестину, на борьбу с врагами креста.

Бурное море поглотило первых доблестных ратников Грузии, но бедствие не охладило ревности новых избранников, которые благополучно достигли Святой земли и заодно с крестоносцами подвизались там за освобождение Гроба Господня из рук неверных. Лично Давид, отличаясь мужеством и проводя всю свою жизнь в тревогах ратных, одною рукою сокрушая врагов и другою поднимая опрокинутое ими, умел владеть не одним мечом – он был величайшим богословом своего времени. Ничего так не любил победоносный царь, как чтение Священного Писания. При нем было два собора для исправления церковных книг, а на добытые от врагов сокровища строили церкви, и при них учреждались школы для образования юношества. Давид умер во цвете сил, пятидесяти трех лет, оставив свое царство могущественным и спокойным. Народ грузинский прозвал его Возобновителем, а церковь причислила к лику святых.

К счастливейшим временам Грузии принадлежит царствование дочери Георгия Прекрасного – Тамары Великой (1184–1212), бывшей в супружестве с русским князем Юрием Андреевичем. Двенадцатилетней девочкой очутилась Тамара на престоле, но молодость или, вернее, малолетство не помешали ей царствовать с величайшею славою. Ее царствование – золотой век Грузии.

Наука, искусство, литература, и не наносные, а свои, родные расцвели при ней пышным цветом. Знаменитые герои-завоеватели того времени, шах Атарбег и султан Нукордин, были

сокрушены полководцами этой царицы, которая и донныне живет в памяти грузинского народа в легендах и песнях. Тамара – до сих пор любимейшее имя грузинских женщин...

Всю свою былую славу, все памятники этой славы благодарный грузинский народ в течение без малого восьми веков приписывает царице Тамаре. Давид Возобновитель и славный Вахтанг Горгасал почти забыты, а народ помнит Тамару и благоговеет перед ее памятью. Есть место (Сванетия), где Тамара стала предметом суеверного религиозного почитания. Кроме борьбы с персами и арабо-турками – эта царица вела борьбу с Византией при ее императоре Алексее Ангеле, и следствием победы Тамары было образование государства-буфера – Трапезундской империи. Воспользовавшись нападением султана Ардебильского, Тамара приказала своим дружинам двинуться сперва в Ардебиль, потом в Тавриз и разгромила их. Богатство Грузии при Тамаре стало несметным, счастья ее не было конца. Грузия расцвела пышно, и Тамарою руководили не одна только жажда славы или процветания родной страны, но и неусыпные заботы о распространении православия и поддержании его там, где оно уже озарило своим светом народы и племена Кавказа.

В Карталинском ущелье поныне видны развалины одного из храмов, созданных Тамарою, особенно памятного тем, что в нем некогда хранилась чудотворная икона Иверской Божией Матери, драгоценный дар Тамары осетинскому народу, родственному ей по второму мужу. Храм этот дважды был разрушен пожаром, и два раза икону Божией Матери находили под грудой развалин и пепла невредимою. Шестьсот лет пребывала святая икона в Карталинском ущелье. Но, когда магометанство ворвалось в Кавказские горы, а русское правительство пригласило горцев-христиан на Терек в Моздок, святая икона Иверии стала русскою святынею. Сохранилось предание, что когда в 1793 году партия горцев прибыла к Моздоку с иконою и тогдашний епископ Моздокский, встретив ее с крестами и хоругвями, внес в собор, то Богоматерь особенным чудом известила, что икона должна остаться вне города на том месте, где она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбе. Там соорудили часовню и впоследствии воздвигли деревянный храм во имя Успения Божией Матери. И ныне русские паломники стекаются сюда на поклонение иконе со всего Кавказа и из самых отдаленных мест Русской земли.

Об этой великой царице, почитаемой народом наравне с равноапостольною просветительницею Ниною, придется сказать еще несколько слов в очерке, посвященном истории сношений и столкновений Руси с народами Кавказа. Здесь же скажем, что осталось неизвестным, где похоронена Тамара. Известно лишь, что умерла она в Верхней Карталии в «Замке Роз». Память ее грузинская церковь чествует в неделю жен-мироносиц. Но место погребения все-таки неизвестно, и объяснить это можно лишь тем, что каждое племя хотело, чтобы прах великой царицы покоился в его земле, а затем в наступившие ужасные времена было уже не до того, чтобы помнить о чем-либо, кроме как о спасении своей жизни. Когда же ужасы прошли, то со времени кончины Тамары пронеслось около пяти веков и установить место ее погребения оказалось невозможным.

Умерла Тамара, и закатилась счастливая звезда Грузии надолго, навсегда закатилась.

После Тамары остались дети от ее второго брака с Давидом Багратионом: сын Ласс, занявший престол, и дочь Русудан. При Лассе в Грузию явились монголы и нанесли ей удар, остановивший все ее развитие. Это шли орды Чингисхана. На реке Бердусудже грузины потерпели страшное поражение, но так же, как и во время первой побывки татар на Руси, только этим пока все и ограничилось, и Грузия осталась непокоренною. Зато лет через десять явился в нее преемник Чингисхана – Гаюкхан, прошедший по всей стране и обложивший ее данью, а за ним последовал Батый, уже окончательно присоединивший Грузию на правах завоевания к своим владениям. Однако Грузия все еще представляла сильное государство, и татары устроили ради ослабления ее разделение (в 1259 г.) этой великой страны на два независимых одно от другого царства – Грузию и Имеретию.

Одновременно с монголами на несчастную страну кинулись персы и турки, а к этому еще при Русудан, правившей после смерти брата за малолетством племянника, начались внутренние междоусобия. Персидский шах Джелал эд-Дин ворвался в Грузию, разорил Тифлис, причем более 100 тысяч людей были перерезаны. В конце концов Грузия оказалась разделенною на четыре части: государства Кахетинское, Карталинское, Имеретинское и атабекство Ахалцихское. Хотя вскоре в Грузии оказались только два царя, оба – Давиды, однако царская власть была уже подорвана, и значение, а вместе с тем и самовольство мтивиров и ноинов усилились; внутреннее же безначалие и своеволие вели к тому, что Грузия стала не в силах отражать внешних врагов, и персидские шахи что хотели, то и делали в несчастной стране.

Нельзя, говоря об этом тяжелом времени, не упомянуть об одном замечательном грузинском царе, Димитрии II. Шах персидский Аргун ни с того ни с сего вздумал разорить Грузию. Димитрий, не задумавшись, предложил ему свою жизнь, только бы избавить родину от беды. Свирепый перс приказал отрубить царю-патриоту голову, а на его место назначил царем Вахтанга II, племянника погибшего мученика. В благодарность за такую жертву Димитрий II везде в грузинской истории назван Самопожертвователем. Вахтангу удалось собрать в одно целое Грузию, но персы хозяйничали в стране как им было угодно, разделяли несчастную страну на части, которые раздавали за услуги своим приспешникам, умерщвляли царей, возводили на их престолы угодных себе людей и т. д.

Но новая и более ужасная беда постигла несчастную Грузию. В 1388 году явился с монголами Тамерлан (Тимур) и камня на камне не оставил на своем пути. Уничтожены были лучшие города, перерезано было без счета людей, церкви были сожжены или разрушены. Уцелела, и то случайно, от свирепости монголов только одна Бадбийская обитель, где находились мощи святой Нины. Случилось же все это как раз после того, как грузинский народ доказал свою необыкновенную живучесть. При Георгии VI Пресветлейшем мтивирь и эриставы были усмирены. Грузия снова соединилась в целое, хотя и не в пределах своих предков; царство укрепилось, водворилось спокойствие. Но тут-то и явился Тимур. До 1407 года он шесть раз являлся в Грузию. Тифлис и Кутаис были уничтожены, даже Мцхетский храм оказался разрушенным, а грозному завоевателю мало оказалось всего этого. Он заставил несчастного царя Баграта V принять магометанство, но, к чести этого последнего, должно сказать, что Баграт стал ренегатом только по виду и бросил магометанство, едва Тимур ушел. Однако это вызвало новое появление монголов в Грузии. Наследовавшего Баграту V царя Георгия VII Тимур дважды склонял к переходу в магометанство, но этот царь был подтвержден от веры отцов и не отказался. Напротив того, ему удалось прогнать монголов, но в последней значительной битве он пал сам. Страна еще не оправилась от монгольского нашествия, а приходилось отбиваться сразу от турок и персов.

В такое время царем Грузии стал восьмилетний Александр I (1414–1442), за которого правила Грузией его мать. Казалось бы, именно в царствование малолетнего правителя должна более всего страдать от внутренних и внешних врагов всякая страна. Было много примеров этому: смуты, раздоры, междоусобия увеличивались внутри государства; припомним хотя бы царствование в России царя Иоанна IV Васильевича, также вступившего на престол в младенческие годы. Но, вопреки всем ранее бывшим примерам, царствование малолетнего Александра I Георгиевича было благотворно для несчастной, исстрадавшейся Грузии. Своевольные мтивирь как-то стихли, ни персы, ни турки не являлись в разоренную Тимуром страну. Грузия быстро оправлялась от шести ужаснейших погромов. Опять грузинский народ доказал свою необыкновенную живучесть. Разбежавшиеся жители возвращались на свои насиженные веками места. Быстро зазеленели поля и нивы, снова возделанные, снова цветущие, один за другим поднимались из пепла разрушения новые деревни, села и города. Опять воздвигались храмы Божии. Оскверненный и обращенный в развалины Мцхетский собор снова вырос в восстановленной столице древней Грузии; население год от году возрастало, торговля уси-

ливалась и развивалась. Грузия, как чудесный феникс, возродилась из своего собственного пепла. К тому времени, когда Александр начал самостоятельное царствование, это была уже снова великолепная страна, благоустроенная внутри, грозная для врагов извне. Александр оказался мудрым правителем и, кроме того, правителем счастливым. Он вел удачные войны и из своих походов всегда возвращался с множеством пленных. Их он расселял по стране, женил на туземках, пополнял ими свои дружины. Явилось ядро, преданное исключительно одному только царю. Благодаря этому Александр очень быстро управился с мтивирами и сокрушил их недавнее могущество; при нем удельные князья потеряли право собирать дань с жителей в свою пользу и облагать их новыми налогами. Напротив того, Александр отдавал десятину своих доходов в пользу беднейших жителей, но в конце своего царствования он испортил все свое дело. Проществовав счастливо и с пользой для своей страны около тридцати лет, Александр принял постриг и ушел в монастырь, а Грузию разделил на три государства: Имеретинское, Карталинское и Кахетинское, царями которых назначил своих сыновей – Вахтанга, Димитрия и Георгия, – другими словами, он сразу вновь разрушил великое здание, которое ему и народу удалось создать с таким великим трудом.

Нужно ли говорить, что с увеличением царского потомства разделенная Грузия дробилась на еще более мелкие части? Явились самостоятельные мелкие царства: Мингрелия, Гурия, Самхетия, Ширван, Сванетия, Абхазия. Эти, в свою очередь, поделились на еще более мелкие. Каждое из новообразовавшихся слабых государств стремилось к полной политической самостоятельности. Шли постоянные междоусобные войны; родственники-правители ожесточенно боролись между собой за призрачные права, а персы и турки не упускали случая пользоваться этими внутренними усобицами. Они спорили из-за Грузии между собой, и Грузии постоянно приходилось быть ареною их битв, причем, конечно, ожесточившиеся враги не щадили страны и безжалостно разоряли ее от края до края. Ясно было, что просуществовавшее около трех десятков веков государство не могло уже существовать без поддержки извне, и тогда-то взоры всего грузинского народа с надеждою стали обращаться к могучему единоверному соседу на севере, с которым у грузин в течение предыдущих шести веков были непосредственные и сближавшие народы сношения.

Этим великим соседом была Русь.

Очерк третий Преданья седой и не седой старины

*Дела давно минувших дней —
Преданья старины глубокой!*
А. С. Пушкин

Яссы и Русь

Туман седой древности окутывает густою пеленою времена отдаленнейшие. Что-то неясное, смутное, лишенное определенной формы мерещится в этом тумане; какие-то тусклые пятнышки в непросветной мгле, но с помощью истории эти тусклые пятна становятся уже не столь тусклыми; кое-что можно разглядеть в них и кое-какие заключения можно вывести из того, что разглядишь...

Когда свершилось Великое переселение и расселение народов, то в Европе появилось новое варварское племя аланов. Аланы, которых римляне называли «метанистами», или переселенцами, пришли, повинувшись грандиозному толчку судьбы, погнавшей их на новые места, с побережий Азовского и Черного морей, из степей, залегших между Кавказом и Доном и на всем перешейке Понто-Каспийском. Римские историки говорят, что аланы – это потомки массагетов седой древности; один из Птолемеев делает указание на язигов меотисских, и, наконец, под влиянием времени и тех реформ, которые производит оно в живых языках, они превратились в яссов, а этих яссов арабские и татарские историки, в свою очередь, называют аланами, то есть как бы подсказывая, что поселившиеся в Испании варвары и пришельцы и племена, жившие на Понто-Каспийском перешейке, суть родственные и последние выделили из себя первых.

На существование яссов-аланов между Каспийским и Черным морями указывается историками VI века; историки IX века говорят об аланском князе, обитавшем около нынешнего Дербента, построенного Александром Македонским; затем упоминается также о городе аланов, или, по-позднейшему, яссов, находившемся близ устья Волги. В русских же летописях по отношению к этим аланам всегда упоминается наименование яссов, которое, как можно судить, и на самом деле есть перелицованное на новый лад древнейшее наименование язигов. Кроме того, летописцы почти везде наряду с страной яссов, или аланов, упоминают страну Касохию, которую населяло воинственное племя касогов.

Очень маленькое отступление, дабы завершить эти короткие сообщения о древних яссах.

Кавказские горы в древних русских летописях назывались Ясскими и Черкасскими, и их население нельзя смешивать с потомками древних язигов, поселившихся в незапамятные времена в Дакии, на берегах Тиссы и Дуная (Штриттер). Как бы памятником этих древних времен ныне является город Яссы, древняя молдавская столица.

Точно так же в летописях и у некоторых историков есть указания, что Русь вела в древности войны с яссами, жившими на юго-западе Литвы, но тут нужно подразумевать ятвягов, а не тех яссов, которые жили на Понто-Каспийском перешейке. Чтобы ясно определить место, где жили древние яссы кавказские или, вернее, прикаспийские, назовем нынешний Дагестан с его столицей Дербентом, или «Железными вратами», как называют этот город русские летописи. По побережью Каспийского моря яссы расселились вплоть до устья Волги, где их дальнейшее распространение было остановлено другим могучим в древности племенем козар, имевших в 12 верстах от устья великой русской реки свою столицу Атель, названную так от реки Ателя – древнее наименование Волги, – и распространившихся по приволжским и придонским степям.

Козары исчезли, и след их остался только в истории, яссы оказались более счастливыми. Эти последние, яссы, существуют и поныне, но под несколько измененным наименованием: яссы, оссы и, наконец, осетины – вот кем стали эти древнейшие, по летописям, племена хорошо известного Руси Предкавказья. Что же касается до Касохии и касогов, то под этим наименованием следует разуметь то, что ныне известно под общим наименованием черкесов; осетины, например, поныне кое-где называются касогами.

Неугомонный киевский великий князь Святослав Игоревич (945–972), этот прямой потомок древних скандинавских викингов, для которых «не было в свете лучше дел войны»,

метался всюду, отыскивая народы, еще не подчиненные им и не обложенные в пользу Киева данью. Перед 968 годом этот «Наполеон древнего славянства» кинулся с завоевательными целями на вятичей, данников хана козарского. Последний заступился было за своих данников, но Святослав Игоревич жестоко побил на Дону его рать и даже разорил козарский город Саркел, или Белую Вежу, а так как неутомному завоевателю показалось и этих побед мало, то он, недолго размышляя, кинулся далее, покорил козарские владения на восточном берегу Азовского моря со значительным их городом Таматарху – наименование, которое очень скоро переделано было киевлянами в Тмутаракань (нынешняя Фанагория), но не остановился и на этом, и кстати покорил яссов и касогов, которых обложил данью, уведя вместе с тем многих пленников в Киев (Татищев).

Это было первое более или менее точно определенное столкновение Руси с народами, населявшими Понто-Каспийский перешеек. Таким образом, в столь отдаленное время, как X столетие от Рождества Христова, Русь уже по праву завоевания владела Предкавказьем, но само собою разумеется, что владычество это прочным быть не могло. Сам Святослав занялся войной с Византией, потом неудачно кончившейся для него основанием царства Болгарского; наследникам его, Ярополку и Владимиру Красное Солнышко, тоже не было времени возиться с отдаленными областями, но, по крайней мере, Владимир не забывал, что страна яссов – его достояние. Владимир, умирая, прямо назначил в удел своему сыну Мстиславу Удалому Тмутаракань, то есть поставил его лицом к лицу с яссами и касогами.

Мстислав Владимирович вышел весь в своего деда, Святослава. Война была целью его жизни, и удел, приходившийся бок о бок с землями покоренных только номинально племен, пришелся как раз к этому богатырю. Политиком удалой князь никогда не был, а предпочитал ломить силой; он был просто вождь дружины, и, пожалуй, его к войне влекло не столько стремление к завоеваниям, сколько жажда сильных ощущений.

Однажды, говорит летопись, он пошел войною на касогов. Касожский князь Редедя вышел к нему навстречу с войском и сказал ему:

– Зачем губить дружину? Схватимся мы сами бороться; одолеешь ты – возмешь мое имение, жену, детей и землю мою, я одолею – возьму все твое!

Предложение было заманчиво; отказ мог бы явиться доказательством малодушия, и богатырь Мстислав поспешил принять вызов.

Однако Редедя оказался не совсем под силу русскому богатырю. Он начал уже подминать под себя Мстислава, а тот чувствовал, что силы у него иссякли.

– Пресвятая Богородица! – взмолился тогда Удалой. – Помоги мне... Если я одолею, то построю церковь во имя твое!

Обращение к высшим силам помогло. Откуда только взялась вдруг мощь у изнемогавшего богатыря? Он приподнял Редедю, ударил его о землю, взял нож и зарезал. Потом он поступил по уговору и обещанию: взял у зарезанного все семейство и землю, а Пресвятой Богородице построил в Тмутаракани храм (*Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I*).

Благодаря победе над Редедеем Мстислав Удалой стал могущественным князем, и, как это было всегда, пока на Руси господствовала удельная система, он сейчас же отправился воевать Киев, великокняжеский стол которого занимал его старший брат Ярослав Мудрый (1019–1054). Дружина Мстислава была невелика, но он усилил ее подвластными теперь ему яссами и касогами, козарами, присоединил северян, благо он принят был в их главном городе Чернигове как князь, и явился на Днепр. Это было в 1023 году. Мы останавливаемся здесь на этом походе одного русского князя на другого лишь потому, что важным является здесь то обстоятельство, что будущие черкесы впервые появились тут в недрах Руси. В происшедшей кровопролитной битве Мстислав одолел дружины Ярослава и, осматривая поля битвы, очень радовался, что

осталась цела вся его дружина. «А эта дружина, – как бы с укоризной замечает историк Соловьев, – состояла из касогов и козар!»

В дальнейшем Мстислав оказался великодушным и рассудительным победителем. Он не отнял у Ярослава великого княжения, а только поделил с ним Русь пополам: себе взял восток, а Ярославу уступил запад. Мир между братьями продолжался вплоть до смерти Мстислава, последовавшей в 1036 году. Само собой разумеется, что касожские дружины, пришедшие с ним на Русь, так здесь и остались, с течением времени исчезнув в массе коренного населения.

Русь в Предкавказье

Сношения Руси с племенами, населившими Предкавказье, продолжались, но минуем их, остановившись только на двух исторических фактах.

Первый относится к тому печальному времени, когда хозяевами Руси были татары. В начале последней четверти XIII столетия аланы, или кавказские яссы, отказались повиноваться татарам. Летописи, а за ними и некоторые историки, уверяют, что в это время яссы (Asses, Adas) были уже христиане. Среди них были искуснейшие оружейники и множество кузнецов и слесарей. Отличались они отчаянною храбростью и любовью к независимости, что, впрочем, всегда являлось преимущественною чертою характера почти всех горских народов. Справиться с ними татарам оказалось не под силу. Их хан Мангу-Тимур в 1277 году призвал русских князей с дружинами и приказал им идти и покорить кавказских яссов. Пошли князья Борис Ростовский, Глеб Белозерский, Федор Ярославский и Андрей Городецкий, сын Александра Невского. Русские дружины прошли горы Яские, то есть Кавказский хребет, проникли в Южный Дагестан и взяли там город Дедаков, или Тетяков, как его именуют летописи, близ «Железных врат», то есть Дербента. Взятый город они сожгли, взяв большую добычу и множество пленников, и своими победами, как говорит Карамзин, «заслужили отменное благоволение хана, изъявившего оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами».

Здесь кстати отметить, что татары явились на Русь, пройдя именно через земли яссов. В 1224 году полководцы Чингисхана Джебе и Сабут прошли обычные ворота кочевников – между Каспийским морем и Уральскими горами, – покорили яссов, абезов и вошли в землю половецкую, из которой потом напали на русские дружины.

Другой эпизод имеет отношение к истории более ранних сношений России и Грузии. Мы говорим о супружестве знаменитой грузинской царицы Тамары с русским удельным князем Юрием Андреевичем, сыном Боголюбского, о чем вскользь было уже сказано несколько слов в предыдущем очерке. Вот как рассказывают об этом грузинские летописи.

Когда искали жениха для знаменитой царицы Тамары, то явился Абулизан, эмир тифлисский, и сказал:

– Я знаю сына государя русского, великого князя Андрея, которому повинуются триста царей в тех странах. Потерявши отца в молодых летах, этот князь был изгнан дядею своим Савалтом (Всеволодом?) и находится теперь в городе Свинди у царя кипчакского (половецкого).

Грузинские вельможи и воспитатели царицы Тамары одобрили мысль Абулизана, и Юрий явился в Грузию. Духовенство и вельможи упростили Тамару как можно скорее обвенчаться с ним. Став супругом молодой царицы, Юрий сперва храбро воевал с врагами своего нового отечества, но скоро между ним и женою его возникли неприятности, о которых грузинский летописец рассказывает так: «Сатана вошел в сердце презренного русского, настоящего скифа, с понятиями варвара, с чудовищными страстями. Под влиянием опьянения его поступки были неприличны, ужасны, – бесполезно их описывать; он осмелился оскорбить Тамару – солнце властителей, утренний восторг царей. Этот развратник, этот проклятый побежденный семью нечистыми духами, худшими, чем воспоминание об обитателях Содомы, оказался иудой против самого себя».

Тамара долго терпела, долго увещевала Юрия исправиться и сама, и через монахов, но наконец не вытерпела и решила развестись с ним. Юрий был выпровожен из Грузии, причем его дальнейшее существование было обеспечено: его отправили в Константинополь, одарив большими богатствами.

Но Юрий не покорился такой своей участи. Он очень скоро опять появился в Грузии. Здесь у него оказалось много сторонников. За него объявили себя многие начальники городов, и сын Андрея Боголюбского был возведен на престол грузинских царей.

Однако и Тамара не сдалась без борьбы – и у нее оставалось много приверженцев. Она успела собрать себе дружины, и в Грузии началось кровопролитное междоусобие. Кончилось оно победою Тамары. Юрий был прогнан, но вернулся опять, и опять началась борьба, на этот раз закончившаяся решительною победою знаменитой грузинской царицы.

Впрочем, брак Тамары и Юрия Андреевича был не единственным в истории сношений России с народами Кавказского края. Еще в XI столетии киевский князь Изяслав I был, как говорят летописцы, женат на грузинской княжне из Абиссинской фамилии.

Монгольское иго разрывает Русь с Кавказом. Русь молча и терпеливо сносит бедствия, ожидая, как окрепнут ее силы, дабы свергнуть невыносимый гнет; населявшие Кавказ племена меняют под давлением турок и персов свою внешность, быт, религию, нравы, и несчастную Грузию постигает ее грозная судьба.

Наконец Русь при царе Иоанне III Собирателе становится свободною, могущество ее мгновенно, в смысле жизни государства, вырастает; повсюду проносится слух о великом северном государстве, имя царя Иоанна Васильевича популярно даже в Персии, и тут изнемогшая, пострадавшая Грузия обращается уже не за одною помощью, а за постоянным покровительством к московскому государю.

Царь Грузии Александр I Кахетинский (1492–1511) (о Кахетии уже упоминалось в предыдущем очерке) в 1492 году, когда Москва под властью Иоанна Собирателя поднялась на высочайшую для того времени ступень своего могущества, послал к нему посла Дамиана Норимана с товарищами, Хоземорумом и Шекенцем, которые представили московскому царю послание, где Александр себя называет меньшим холопом московского царя, а его – «светом зеленого неба, звездою темных, надеждою христиан, подпорою бедных, законом истинного, управою всех государей и ревностным обетником святого Николая». Александр просит в этой грамоте у могущественного московского царя и военной, и духовной помощи. Он говорит, что под влиянием утеснений варваров народ грузинский коснеет в невежестве, вера православная падает: храмы разорены и грузинские христиане подвергаются со стороны варваров невыразимым мучениям. Посольство было принято, но в это время Москве совсем было не до Грузии. С одной стороны, велись переговоры с крымским ханом Менгли-Гиреем, с другой – грозила долгою и кровопролитною войною Литва, и, кажется, все на этот раз ограничилось лишь тем, что царь Иоанн изъявил лишь свое принципиальное согласие принять под свою высокую руку несчастную страну. Однако войск послано не было, и о Грузии в Москве как бы забыли.

Тем не менее при Иоанне Собирателе произошло некоторое обстоятельство, с которого, собственно говоря, началось или, вернее, возобновилось, правда в незначительных пока размерах, постепенное движение Руси в Предкавказье.

Рязанские казаки, жившие по реке Черленый Яр, так прогневали Собирателя своими озорствами и непокорствами, что, во избежание грозного военного наказания, они сочли за самое лучшее уйти куда-нибудь подобру-поздорову. Рука же у Собирателя была куда какая тяжелая, да притом настолько длинная, что, в какую сторону ни уходи, везде достал бы их грозный московский царь, и достал бы со всеми семьюшками и животами. Тогда бывалые люди рассказали, что есть река Терек, что течет из Ясских гор в море «Каспицкое», а на этой реке есть не то город, не то область, не то место такое, Тюмень по названию, где живет всякий вольный люд, живет и знать себе ничего не хочет. А рядом за Тереком есть «шавкал» – князь владетельный, который живет в крепком городе Тарках и вольному люду ни в чем не препятствует. У моря же «Каспицкого» хозяина нет, всякий гуляй по нему и делай что хочешь... Если кто смел да силен, тому в тех местах не жизнь, а рай, совсем не то, что под Москвою быть...

Это предложение показалось заманчивым казакам Черленого Яра. Ближайшей весной они поднялись всей своей станицей, с семьями, пожитками и тронулись в дальний путь-дорогу. По весеннему донскому половодью выплыли переселенцы на Волгу, а по ней, матушке, на при-волье Каспия, а там на Терек и в Тюмень. Но здесь им не понравилось. Должно быть, при-шельцы не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы поселиться в местности, где собирались разбойники со всего огромного края. Отправились казачки далее по Тереку, вверх к черкесам Пятигорья (нынешним кабардинцам), сумели подружиться с ними и поселились в предгорьях Кавказского хребта, там, где Аргун впадает в Сунжу.

Так как эти казаки жили на горах (на горном гребне), то очень скоро за ними установи-лось наименование гребенских казаков, впоследствии столь прославивших себя как первый мощный оплот Руси среди полудиких и диких горских народцев.

В сказании о Гребенской иконе Божией Матери говорится также, что гребенские казаки, или гребенцы, произошли от донских казаков, живших в XVI веке между реками Донцом и Калитвою у Гребенских гор. В значительно позднее время, а именно в 1582 году, триста человек казаков под предводительством атамана Андрея прошли через Маныч, Куму и Терек в ущелья Кавказских гор и поселились в гребнях на берегу горной речки Акташ, где они и прожили никем не тревожимые с небольшим целое столетие. Можно думать, что здесь митро-полит Стефан Рязанский, которому принадлежит вышеупомянутое сказание, говорит о дру-гой партии выселенцев, ибо, как мы увидим ниже, гребенцы появляются в Москве уже около половины XVI века, и не с Акташа, а с Терека.

Жили эти люди, к ним с Дона приходили земляки, некоторые из них сами уходили в пре-делы оставленной родины. Связь, таким образом, с Москвой не прерывалась никогда. Могучим связующим звеном являлось и православие, которое неприкосновенно сохраняли выселенцы.

Москва, впрочем, просмотрела это первое появление русских людей у самого хребта. В царствование Василия III Иоанновича, а потом и в начале царствования Иоанна IV, когда Русью правила то одна, то другая партия, не до таких «далеких дел» было. Но вот молодой царь Иоанн IV Васильевич сокрушил ханство Казанское, а затем покорило под его высокую царскую руку ханство Астраханское; Русь стала в низовьях Волги и вышла затем на привольное раздолье «синя моря Каспицкого».

Пусть наш знаменитый историк С. М. Соловьев скажет, что было последствием этого во взаимоотношениях Руси и Кавказского края.

«Утверждение в устьях Волги, – говорит историк, – открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье (то есть в Предкавказье и Закавказье); князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому, как скоро увидели у себя в сосед-стве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые – с предложением подданства, и, таким образом, незаметно, волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на Восток к Кавказу и за него. Тотчас после падения Казани, в ноябре 1552 года, приехали в Москву двое черкасских князей с просьбою, чтоб государь вступился за них и взял их себе в холопы. В августе 1555 года при-ехали в Москву князья черкасские-жаженские (не чеченские ли?), Сибок с братом Ацымгуком да Тутарык, в сопровождении 150 человек. Били они челом от всей земли Черкасской, чтоб государь дал им помощь на турецкого и крымского царей; а они – холопы царя и великого князя с женами и детьми вовеки. Государь пожаловал их своим великим жалованьем, насчет же турецкого царя велел им отомлвить, что турецкий султан в миру с царем и великим князем, а от крымского государя хочет их беречь как только можно. Князь Сибок просил, чтоб государь велел окрестить сына его, а Тутарык просил, чтоб окрестить его самого. Летом 1557 года при-езжали в Москву другие черкасские князья. Тогда же двое князей черкасских-кабардинских, Темрюк и Тизрют, прислали бить челом, чтоб государь велел им себе служить и велел бы аст-раханским воеводам дать им помощь на шамхала Тарковского. Посол говорил: только государь

их пожалует, как пожаловал жаженских князей, и поможет на недругов, то князь грузинский и вся земля Грузинская будут также бить челом государю в службу, потому что грузинский князь в союзе с кабардинскими князьями. С другой стороны, из владений шамхала и князя тюменского (с берегов Терека) пришли послы с челобитьем, чтоб государь велел им быть в своем имени, приказал бы астраханским воеводам беречь их со всех сторон, а торговым людям дал бы дорогу чистую; чтоб государь велит себе прислать, то будут присылать каждый год. Черкасские князья просили помощь на шамхала, шамхал просил помощи на черкасских князей. Тюменский мурза просил помощи на дядю своего, тюменского князя: посадил бы государь его на Тюмене, а он – холоп государев; подданные шамхала просили, чтоб государь дал им другого владетеля, а они – всю землю холопы государевы; ханы хивинский и бухарский присылали с великим челобитьем, чтоб государь дал дорогу купцам их в Астрахань. Около того же времени появились в Москве и старшины гребенских казаков, которых, как говорится в казачьей песне, приведенной во втором очерке, грозный царь пожаловал „рекою вольною Тереком Горынычем, что от самого гребня до синя моря, до синя моря до Каспицкого“. По царскому повелению на Тереке, там, где в него впадает Сунжа, была поставлена крепость, отданная царем гребенцам, причем им было повелено „служить свою службу государскую и беречь свою вотчину кабардинскую“.

Когда наступил стихийный период царствования Иоанна Васильевича, называемый обыкновенно «мрачным», решили уйти в 1579 году навлекшие на себя царский гнев знаменитый Ермак Тимофеевич и еще два донских атамана. Совещание их происходило в устье Волги; первый ушел в Сибирь, один из остальных – на Яик, а последний – на Терек. Здесь, в устье этой реки, пришельцы срубили укрепленный городок Тюмень, или Терки, что оказалось очень кстати. Еще в 1571 году турецкий султан грозил Москве тяжелой войною, причем одной из причин выставлялось сооружение Терской крепости при слиянии Сунжи с Тереком. Чтобы устранить войну, малейший неуспех в которой мог поднять на Русь и астраханских, и казанских татар, царь Иоанн IV Васильевич послал в Константинополь посла Кузьминского сказать, что, «желая быть с тобою вперед в братстве и любви, мы показали братской любви знамя: город с Терека-реки из Кабардинской земли велели снести и людей своих оттуда свести в Астрахань». Но султан ровно ничего от этого не выиграл. Сама судьба вела Русь на Кавказ: Терская крепость исчезла, а на том же Тереке, да еще в устье его – на самом выгодном месте – появились Терки...

В этих Терках был сбор всяких воровских (беглых) казаков, сумевших привлечь к себе кабардинцев, чеченцев, кумыков и даже черкесов.

После султан не раз жаловался на терских казаков... «Русские казаки, – писал крымский хан Годунову в 1589 году, – живут на перевозах и топких местах; на них нападают», но в это время московское правительство уже понимало значение этих поселений, и терское казачество пользовалось его могучим покровительством. Кроткий царь Феодор Иоаннович, сын и наследник Грозного, а вернее, его наместник Годунов восстановил Терскую крепость на Сунже и даже предполагал поставить крепость Койсу на Сулаке, дабы сдерживать непримиримого врага Грузии, шамхала Тарковского.

Здесь необходимо опять сказать несколько слов о взаимоотношениях России и Грузии.

Лев Ирана

В Персии в это время царствовал величайший из ее государей шах Аббас (1585–1628), получивший прозвание Лев Ирана. Сохранилась легенда, что в тот самый день, когда он родился, в Грузии внезапным местным землетрясением разрушена была ее древнейшая святыня, обитель святого Георгия, в 20 верстах от Телава. Этому государю, которого история называет гениальным, нужна была Грузия как природный оплот в задуманной им борьбе с Турцией, и он все свои усилия направлял к тому, чтобы прибрать ее, так или иначе, к рукам. Давление со стороны Персии на Кахетию и Карталинию оказывается страшное, и под влиянием его кахетинский царь Александр II, угрожаемый с одной стороны персами и с другой – турками, в 1586 году отправил в Москву к царю Феодору Иоанновичу посольство, через которое бил челом со всем народом своим, чтобы единственный православный государь принял их в свое подданство – «спас жизнь и душу». Феодор принял Александра Кахетинского в подданство, в Кахетию отправлены были учителя, монахи, священники, иконописцы, чтобы восстановить чистоту православного учения и богослужения. Кроме духовной была дана и помощь вещественная: «отправлен был снаряд огнестрельный, и, кроме того, исправлена была Терская крепость и занята стрельцами. С того же времени в титул московских царей был прибавлен новый титул: „государь земли иверской, грузинских царей и кабардинской земли, черкасских и горских князей“», но, несмотря на все это, из-за Кахетии Москва не решилась вступить в борьбу с Турцией, и только после долгих выпрашиваний московский царь решил, в угоду Александру, сделать шавкалу¹ (шамхалу) тарковскому «великое утеснение», отняв у него его столицу Тарки и посадив на его место Александрова свата, Крым-Шевкала. Пятьсот ратных людей под начальством воеводы князя Дмитрия Ивановича Хворостина, усиленные терскими и гребенскими казаками, весною 1594 года тронулись из Астрахани, явились на Терек, пошли с него на Сулак и быстро взяли Тарки, разбив на Сулаке тарковцев, кумыков и ногаев. Но взять оказалось мало. Хворостину пришлось держаться во взятой столице шамхальства. Дагестан не покорялся, шамхал, дряхлый, но сообразительный старик, держался медлительной политики – «ловил скорпиона за хвост»: окружил Тарки, стал блокировать город, а когда к нему подоспел на помощь аварский хан, то положение русских, запертых в Тарках, стало критическим. Дагестанцы теснили их, беспокоили постоянными фальшивыми атаками, кахетинцы же, ради которых явились в шамхальство русские дружины, и глаз не казали. Хворостин решил отступить. Но и отступление представлялось чрезвычайно опасным; враги так и кишели вокруг Тарков, а у русских было множество больных и раненых. Однако отсиживаться далее было невозможно и уйти все-таки пришлось. Ушли ночью, бросив лишнее оружие и все тяжести. Враги проспали русских. Отойти удалось благополучно, но судьба была против русских: в беспросветном ночном мраке отряд сбился с пути и попал в болотистую низину, через которую проходит устье реки Озени; здесь на отступающих напали лезгины. Русские свернулись в кольцо, отразили натиск, но, чтобы идти далее, должны были бросить своих больных и раненых, которых тут же, почти на глазах товарищей, замучили варвары. Так продолжалось в непрерывном кровопролитном бою все утро, когда на изнемогавший уже отряд Хворостина наткнулись главные силы шамхала и аварского хана. Их вели пришедшие в неистовство муллы, поджигавшие их к бою стихами из Корана. Но герои с богатырским натиском продвигались вперед. С обеих сторон валились люди, трупы устилали путь, но ожесточенный бой все кипел и кипел, и так продолжалось до позднего вечера. Русские успели к этому времени добраться до Сулака и переправиться через него. Здесь они были уже в относительной безопасности и пошли на Терек, куда – увы! – явилась только четвертая часть тех, кто пошел отсюда на Тарки.

¹ Титул правителей в Дагестане с XI века по 1867 год.

Это было первое вооруженное столкновение Руси с кавказскими племенами. С этого и началось уже вооруженное движение Руси в Предкавказье, закончившееся покорением его, завершившееся уже во второй половине XIX столетия полным покорением всего Кавказа.

Кахетия и Карталиния переживали в эти времена жесточайшие испытания. Шах Аббас сумел вызвать в царских семьях раздоры. Кахетинский царь Александр II был зарезан своим сыном ренегатом Константином, поставившим Кахетию в вассальную зависимость от Персии. Тогда выдвигается народная героиня Грузии, будущая святая мученица царица Кетеван, вдова сына Александра – Давида II, мать Теймураза. Она сама предводительствует войсками, уничтожает Константина и именем сына Теймураза правит государством. Аббас, занятый в это время Карталинией, притворился, что считает гибель Константина возмездием свыше.

– Отцеубийца достоин смерти, – говорит он и, отпуская в Кахетию Теймураза, находившегося при его дворе, объявляет ему: – Ступай в Кахетию, и пусть в этой стране прекратятся раздоры.

Аббасу действительно было не до Кахетии.

По его приказанию был отравлен принявший магометанство царь карталинский Георгий X, и шах отдал в 1605 году карталинский престол его сыну, Луарсабу II.

В это время карталинцам пришлось выдерживать отчаянную борьбу с турками, надвигавшимися на Грузию со стороны Триалетских гор при своем возвращении из Персии. Но среди карталинцев не ослабел еще могучий дух их предков, и народ выдвигает из своей среды героя-богатыря Георгия Саакадзе и ставшего грузинским предшественником Сусанина – священника Федора из Квельты.

Турки захватили Федора после того, как разбили наголову грузинскую армию, под начальством двух лучших полководцев Луарсаба – Захария и Яроли. Федор был довольно известный своими учеными трудами священник, явившийся к царю для ученых бесед, и победители надеялись, что через него они узнают, куда скрылся Луарсаб после поражения. Но грузин Федор поступил именно так, как наш костромич Сусанин: он завел в горные дебри отряд, посланный с ним для поимки Луарсаба, и здесь объявил:

– Не пожертвую вечною жизнью временной – не буду предателем царя!

Он кончил жизнь в страшных мучениях, но Луарсаб был спасен.

Это самоотвержение, однако, спасло царя Карталинии, но не спасло самой страны. Бесчисленные турецкие войска покрыли все долины Карталинии. Тут-то выступает Георгий Саакадзе в качестве народного вождя. Саакадзе был человек невысокого происхождения, но уже двадцати семи лет был владетельным князем с титулом моурава². Родовая грузинская знать смотрела на него сперва косо, а потом дошла до того, что от Луарсаба даже потребовали смерти Саакадзе. Но тут-то этот герой показал, что он необходим для родины. Вскоре после самопожертвования Федора в Схертской долине на берегах Куры произошла кровопролитная битва. Слабые численностью грузины ударили на несметные полчища турок. Предводительствовал Саакадзе. Герой князь Заза Цицианов пробился к самому главнокомандующему турецкой армией, паше Дели-Мамад-хану, отрезал ему голову и успел возвратиться со своим кровавым трофеем к Луарсабу. Турки, пораженные таким геройством, смешались. Саакадзе со своими ничтожными дружинами бросился на потерявшую вождя массу, и несметные полчища побежали перед горстью храбрецов.

Саакадзе спас отечество, а воспользовался этим Аббас. Вскоре после этого дворцовые интриги против героя, а в особенности брак Луарсаба с сестрой Саакадзе, заставили героя ради спасения жизни (и своей, и близких) бежать в Персию, шаху которой он и предложил завоевать Карталинию. Аббас принял его с величайшими почестями, но воспользовался его услугами не

² Управляющий провинции, округа, города, селения.

сразу. Он направил его в Индию и против турок, но пока сберегал его для дальнейших действий против грузин.

Шах Аббас еще не начал действовать огнем и мечом. Он предпочитал более верный путь. Понимая все ничтожество Кахетии и Карталинии, он старался обращать грузин в магометанство. Царь и князья легко меняли веру, но народ оказывал энергичное сопротивление, и лишь тогда Аббас решился прибегнуть к кровопролитию. В 1615 году он появляется в Ганже (Елисаветполь) и по совету Саакадзе требует аманатов (заложников) у кахетинского царя Теймураза. Тот послал было ему своего сына с матерью своей, царицею Кетеван; Аббас отказался принять малолетка, но Кетеван оставил и потребовал уже самого Теймураза. Тот, надеясь на помощь Луарсаба, отказался и вскоре должен был вместе с этим последним бежать в Имеретию. Вскоре Аббасу удалось поймать Луарсаба, и тот, отправленный в Персию, был там задушен, а на престол Карталинии шах поставил магометанина Баграта V (1616–1619), в Кахетию же – вероотступника Исахана, бывшего царевича Иессея, двоюродного брата Теймураза. Однако у последнего были сторонники; Исахан был убит, и Теймураз снова вступил на престол. Тогда в 1617 году Аббас двинул свои войска в Кахетию. Какие ужасы произошли тогда! Война, везде война, но нет ужаснее войны, которую с успехом ведут азиатские народы. «Войска Аббаса, – говорит историк Потто в своей статье „Эпоха персидского владычества в Грузии“, – шли, все попирая на своем пути, грабя монастыри, раздирая иконы и кресты и обращая священные предметы на украшения своих гаремов. Христиане вместо защиты и отпора только и делали, что собирались в церквах – калялись, молились и вместе с церквами были сжигаемы персами. В ночь на Пасху в одном из монастырей Гареджийской пустыни по личному повелению шаха Аббаса были перебиты шесть тысяч иноков, и под развалинами монастыря и поныне стоит престол и на нем вместо священной утвари связанные крестообразно человеческие кости. Эти кости и дали название целой лавре, именуемой Моцамети, то есть лавра мучеников. Но что ужаснее всего, так это то, что войсками Аббаса предводительствовал грузинский герой Георгий Саакадзе».

Отметим здесь также, что, овладев Мцхетом, Аббас захватил величайшую святыню всех христиан – хитон Спасителя.

Кахетия была в руках Аббаса.

Спущенные им с гор лезгины овладели лучшей частью этой страны, между Кавказскими горами и рекой Алазанью. Карталиния была под властью магометанина, и в таких ужасных обстоятельствах царь Теймураз отправился в Россию искать покровительства и помощи уже у вступившего тогда на престол царя Михаила Феодоровича.

Итак, мы возвращаемся после некоторого необходимого отступления к России.

Заметим себе, прежде всего, положение: Русь стремится в Предкавказье, а в Закавказье есть Грузия – страна обширная, великолепная, – которая сама стремится к Руси.

Что вышло из этого взаимостремления, показал только XIX век.

Москва и Кавказ

Но в самом начале XVII века Русь как будто потерпела полное поражение в своих стремлениях на Понто-Каспийский перешеек. Неудачный поход в Дагестан Хворостина при царе Феодоре Иоанновиче не оказался вразумительным уроком для его преемника – талантливейшего из русских царей Бориса Феодоровича Годунова. Он делает попытку из номинального «государя земли иверской, грузинских царей и кабардинской земли, черкасских и горских князей» стать их действительным владыкою. В 1604 году из Казани и Астрахани на Терек двинут был десятитысячный отряд под начальством Ивана Бутурлина и воеводы Плещеева. Первый шел со стрельцами, второй – с боярскими детьми и казаками. Ожидалась сильная помощь из Грузии, но грузины не пришли, повинувшись воспреещению шаха. Однако русские и без них шли безостановочно на Тарки. Они поставили остроги на реках Сулаке и Акташе и быстро овладели всем шамхальством, взяв и столицу ее, Тарки, после кровопролитного штурма. Шамхал был дряхл. Он отстранился и предоставил ведение войны своему молодому, энергичному сыну, султану Муту. Тот поднял на русских весь Дагестан, уничтожил острожки на Сулаке и Акташе и пробовал даже выбить русских из Тарков. Это не удалось. Однако русский отряд настолько ослабел, что его воеводы решили вступить в переговоры с султаном Муту. Тот тоже не чувствовал себя достаточно сильным для открытой победы, выпустил русских, давших обещание, что более они «воевать Тарки» не будут. Заключен был мирный договор, и русский отряд вышел из столицы шамхальства, но Бутурлин и Плещеев совершенно упустили из виду, что они имеют дело с азиатами. Мусульмане справляли в это время свой праздник Байрам. Под предлогом военных игр, джигитовок и прочего дагестанцы в полном вооружении следовали за уходившим отрядом. Под предлогом свадьбы шамхала с дочерью хана аварского подтянуто было еще подкрепление в 20 тысяч аварцев. Во время пира русские тоже получили в изобилии хмельную бузу и, перейдя речку Озень, на берегах которой уничтожен был отряд Хворостина, расположились на ночлег. Очень многим не пришлось увидеть следующего утра. Ночью на беспечно спавших русских опрокинулось все дагестанское скопище. Побоище вышло ужасное. Бутурлин, Плещеев и 7 тысяч человек из их отряда, не считая больных и прежде раненных, легли на месте; но главным было то, что вплоть до Петра Великого русские уже не показывались в Дагестане, и представителями Руси в Кавказском крае являлись только терские и грбенские казаки, которые и после этого поражения остались на своих местах, в горных ущельях Кавказских гор и на левом берегу Терека Горыныча.

Вскоре для Руси настало проклятое Лихолетье, и, конечно, тут уже было не до завоеваний. В это Смутное время кое-чем заявили себя терские казаки. Они, как люди воинственные, вовсе не желали ни сеять, ни жать, ни собирать в житницы, они просто желали жить за счет соседей, грабя их как сидорову козу. Но соседи тоже были не промах и в обиду себя не давали. Терцы сперва хотели идти на Куру и грабить турецкие области, а в случае неудачи передаться все тому же персидскому шаху Аббасу, но тут до них дошел слух, что творится в Московском государстве. Терцы тогда вспомнили, что они родные и единоверные русскому народу, и решили, что «го раздо выгоднее пустошить Московское государство под знаменами самозванца и получить такую же честь, какую получили донцы и черкасы от Лжедмитрия» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. VIII*). Триста самых удалых из терских казаков под начальством атамана Федора Батырина условились выставить от себя претендента на московский престол, но так как близкое общение с восточными народами изошрило фантазию этих людей, то они не стали выставлять в качестве кандидата в московские цари подставного сына Грозного, а ударились в оригинальность. Эмиссары терцев разгласили, что жена царя Феодора Иоанновича, Ирина, в 1592 году родила сына Петра (у этой царственной четы

на самом деле была дочь Феодосия, умершая в младенчестве), а Годунов подменил новорожденного мальчика девочкой, вскоре после того умершею.

Пользуясь этим, терцы выставили самозванца Илюшку Муромца, которого переправили в Астрахань. Он вначале имел успех, добрался до Тулы, этого гнезда самозванцев в Лихолетье, но был там осажден царем Василием Шуйским и преисправно повешен им «как вор и бродяга».

Здесь особенно важно то обстоятельство, что на Тереке и в то время был уже московский воевода, который отговаривал буянов от злого дела и которому эти буяны представляли самозванца. Из этого ясно следует то, что часть Предкавказья, прилегающая к Тереку на юге и к Каспию на востоке, уже прочно была присоединена к России – иначе зачем же быть на Тереке московским воеводам?...

Когда на Руси после Лихолетья восстановилось единодержавие, то мы уже видели, что царь грузинский Теймураз не замедлил обратиться к царю Михаилу Феодоровичу с просьбой о помощи.

В 1619 году в Москву является посольство Теймураза, которое передает положение своей родины так: «И вам, великому государю, свои слезы и бедность объявляем, что светлость наша превратилась в тьму, и солнце уже нас не греет и месяц нас не освещает, и день наш светлый и чинился ночью, и я [Теймураз] в таком теперь положении, что лучше бы я не родился, нежели видеть, что православная вера христианская и земля Иверская при моих очах разорились, в церквах имя Божие не славится и стоят оне все пусты».

Кахетинский царь просил у русского царя защиты для родины и защиты перед Аббасом за свою семью, и в особенности за свою мать, царицу Кетеван, находившуюся у шаха. Но, прежде чем ходатайство русского царя достигло Персии, Кетеван уже была зверски замучена в Ганже, и испугавшийся Аббас, чтобы задобрить Михаила Феодоровича, послал ему плененную им драгоценность – хитон Господень. Царь Михаил получил эту высочайшую реликвию и успокоился, а Аббас спустил своих звероподобных дикарей-воинов на Карталинию, поставив во главе их все того же Саакадзе. Но сердце изменника-героя тронулось несчастьями родины. Он перешел к землякам и стал во главе кахетинцев. Счастье благоприятствовало ему. Он освободил Кахетию и Карталинию от персов. Аббас казнил его сына и жену его любимого друга, эристава Зубари, но Саакадзе как бы принес их в жертву своей родине. Он задумал великое дело – объединение Грузии и восстановление ее в прежних пределах, но не для себя, а для несчастного Теймураза. Много героических подвигов совершил этот грузинский Алкивиад, но эти подвиги не были угодны высшей воле. Саакадзе удивлялись, но не верили, и в конце концов он должен был удалиться к туркам в Константинополь, где потом был зарезан по требованию жены визиря Хозрева-паши, объявившей, что знаменитость моурава заслоняет знаменитость ее мужа...

Это было в 1629 году. Шах Аббас умер на год ранее.

Когда Теймураз, как мы видели выше, обращался к московскому царю Михаилу Феодоровичу с просьбой о помощи (послом Теймураза был епископ Феодосий), то царь Михаил ограничился только дипломатическими представлениями шаху Аббасу. Спустя двенадцать лет, в 1636 году, в Москву явилось новое грузинское посольство, во главе которого стоял архимандрит Грузии Никифор, который объявил о желании своего государя быть в совершенном подданстве у московского царя. По поводу этого посольства собрана была царская дума. Она долго судила и рядила, и в 1637 году в Грузию были отправлены князь Федор Волконский, дьяк Артемий Хватов и пятеро духовных с тем, чтобы взять от Теймураза и грузинского народа крестное целование на верность московскому царю. Хотя Волконский, приехав на место, увидел, что у Теймураза во владении осталась одна только Кахетия, он исполнил поручение, и царь грузинский поцеловал крест, то есть присягнул московскому государю на верность. При этом посол оказался настолько дипломатичным, что не дал на будущее никакого обещания, которое связывало бы Москву. Теймураз ввиду этого свел все свои просьбы к тому, что просил царя Михаила возобновить крепость в горах для защиты Грузии от дагестанцев, прислать

лекаря и горного инженера («рудознатца»). Лекаря ему послали, крепость ставить отказались, помня погромы Хворостина, Бутурлина и Плещеева, а насчет «рудознатца» отказать не отказали, но предложили прислать в Москву образчики руды. Впрочем, посланный с таким ответом князь Мышецкий отвез Теймуразу 20 тысяч ефимков, не считая соболей: подлинно за Богом молитва, за русским царем служба не пропадает!..

Духовенство, бывшее в составе русских посольств, вынесло тяжелое впечатление из того, что оно видело в Грузии; тем более что русские-то сами с трудом в то время разбирались, что истинно, что несогласно с православием.

Однако Грузия не переставала молить Русь о подданстве под руку ее царя.

При царе Алексее Михайловиче, весною 1647 года, приехал в Москву посол от Теймураза и подал такую грамоту:

«Как у отца твоего был я с сыном своим и со всею Грузинскою землею в холопстве, так теперь и тебе, великому государю, бью челом в холопство. Отца твоего заступлением и жалованием наше Грузинское государство живо и цело; а если ты нас не пожалуешь, за нас не вступишь, то окрестные государства нас разорят без остатку и станут говорить: „Вы поддались московскому государю, и он вас выдал, за вас не вступился“. Теперь сам я Теймураз царь, с сыном своим Давидом, отдался тебе в холопство со всею Грузинскою землею; внука своего, Григорья, пришлю к тебе в холопы в Москву, а за большего моего внука, Иоасафа, изволил бы ты выдать сестру свою государыню царевну. Да вели к нам послать митрополитов, сколько изволишь; государство Грузинское – Божье да твое; и вера так же была бы справлена, как и в твоём великом государстве».

Между тем в это время, особенно в 1648 году, в Москве было не до Грузии. В 1649 году оттуда явилось новое посольство.

«Хотел я, – писал Теймураз, – отправить к тебе, великому государю, внука своего, Николая, но как узнали об этом персияне, то начали государство мое воевать с трех сторон. Мне через горы внука своего послать нельзя, а на Шемаху персияне не пропустят. Пожаловал бы, великий государь, прислал за внуком моим своих людей и велел взять его к себе в холопы».

С ответом на эти предложения отправился в Грузию в 1650 году, как свидетельствует С. М. Соловьев, Никифор Толочанов.

Толочанов объявил Теймуразу главную цель своего посольства – взять с собою в Москву внука его, царевича Николая.

– А выдаст ли за него великий государь сестру свою? – спросил Теймураз.

– С нами об этом деле не наказано, – отвечал посланник, – такое великое тайное дело, кроме Бога да великого государя, кто может ведать? Если Бог изволит, а его государская мысль будет, то дело и состоится; а если не будет воли Божией и государской мысли, то делу как состояться? Ты только отпуская с нами внука своего, исполняй перед великим государем правду свою.

– Если я внука своего пошлю, – продолжал Теймураз, – а государь не изволит государства моего, Кахетии, очистить, ратных людей и казны не пришлет, то зачем моя посылка?

– Ратных людей, – отвечал Толочанов, – послать к тебе нельзя, потому что горы снежные, высокие, в них расселины большие, ратным людям пройти, наряду и запасов провезти нельзя; у тебя государство пустое, и то за шахом; хотя ратные люди и пройдут, то им у тебя с голоду помереть; а казны тебе государь пришлет столько, сколько тебе и в ум не вмещалось, если теперь исполнишь правду свою, внука с нами отпустишь. Кроме того, государь пошлет великих послов к шаху, чтобы отдал Кахетию по совету и братству, а если не отдаст, то думаем, что великий государь пошлет войско свое Каспийским морем на шаховы города и велит городов разорить вдсятеро, – только ты совершай правду свою. Если ты отпустишь с нами и другого внука своего, Влавурсака, то великий государь даст ему свое жалование по своему милосердому рассмотрению.

– Влавурсака никому не отдам, – сказал Теймураз, – мне самому не с кем будет жить, некому будет и души моей помянуть.

– Ты нам объявил, что тебя разорил тифлисский хан, – продолжал посланник, – так если тебе в Грузинской земле жить не у чего, то ступай и ты сам к царскому величеству, – нам велено принять тебя и с подданными твоими.

– Когда будет мое время, тогда и поеду к государской милости, а теперь еще побуду здесь, – отвечал Теймураз.

Все эти разговоры кончились тем, что Теймураз не отправил внука в Москву.

Сильнее высказывал свое усердие к великому государю имеретинский царь Александр, присягнувший при Толочанове царю Алексею Михайловичу.

– Теймураз царь, – говорил Александр, – внука своего с вами не отпускает; а если бы у меня был сын мой, Баграт, да брат, Мамука, то я обоих к царскому величеству отпустил бы. Если государю угодно, то он прислал бы воеводу своего в Кутаис; если бы мне было кому свою отчину, Имеретинскую землю, приказать, то я и сам поехал бы видеть пресветлые государевы очи.

В грамоте своей к царю Александр писал: «Учинился я и сын мой, и брат, и весь духовный чин, и ближние люди, и всего государства воинские ратные и земские люди под вашего царского величества высокою рукою в подданстве навеки неподвижно, от детей на внучат; и тебе бы, великому государю, меня не презреть и от недругов неверных держать в обороне, чтобы люди моего государства в неверие не впали. Прежде были у меня в подданстве дадьяне, и несколько лет тому назад отложились, поддались турецкому султану и живут с басурманами заодно, берут себе на помощь басурманскую рать, меня разоряют и воюют. Донские казаки ходят на Черное море и басурман воюют, а православным христианам никакого вреда не делают; а дадьяне казаков к себе приманивают, будто хотят вместе с ними воевать басурман, и, приманя в свои места, их побивают и к туркам продают, и в подарок отсылают турецкому султану, который за это присылает им жалованье. Те же дадьяне крадут христиан из моей земли и у себя и отсылают к персидскому шаху, просят у него себе помощи. Дадьянский владелец сестру свою отдал к шаху и от христианской веры отрекся, зато ему от шаха жалованье и помощь. Он же, дадьянский владелец, отослал другую свою сестру Рустемхану тифлисскому, чтобы тот шел на меня войною, и Рустем-хан много раз присылал своих ратных людей на мое государство. Теперь я у царского величества милости прошу и желаю, чтобы как-нибудь с Черного моря стругами учинить над дадьянами промысл, за то разоренье им отмстить, от басурман отлучить, в православии утвердить и под мою руку привести по-прежнему. Дадьянский князь прислал ко мне, что хочет опять быть у меня в подданстве и сам ко мне приехать, чтобы только я прислал к нему сына моего в заложники; я сына своего к нему послал, а он ко мне не приехал и сына моего не отпустил. „Тогда, – говорит, – отпущу к тебе сына, когда ты поддашься турецкому султану“. Брат мой пошел на охоту, а дадьянские люди схватили его и держат у себя. Великий государь пожаловал бы меня, помог мне сына и брата из неволи освободить; а как освободятся, то к себе ли их велит взять, или мне отдать – в том его государева воля. Да пожаловал бы, велел прислать мне печать свою, чтобы во всей земле царское повеленье было вернее; да велел бы государь прислать моим ближним и ратным людям жалованье, чтобы они скудны и безконны не были и имели бы мочь стоять против своих недругов; да велел бы прислать мне пушечный наряд, чем от недругов обороняться».

С 1653 года начинаются приезды в Москву грузинских владетелей. В этом году приехал восьмилетний внук Теймураза, Николай Давидович, с матерью Еленою Леонтьевною. За внуком поднимался и сам дед. Когда в 1656 году приехал к Теймуразу государев посланник Жидовинов с ефимками и соболями, то бедный старик встретил его в Имеретии и говорил посланнику:

– Персидский шах выгнал меня из моего государства, и живу я теперь в Имеретинской земле, у зятя своего, царя Александра; но от него помощи мне никакой нет; скуден я всем, а в свое государство от неприятелей ехать не смею. Теперь я с царицею своею, со внуком и со внучкою и со всеми людьми еду служить великому государю в Москву; поедут со мною человек с триста.

В январе 1657 года в Посольском приказе дьяки расспрашивали троих грузин, приехавших из Тушетии, зачем они в Москву приехали.

– Приехали мы бить челом великому государю, чтобы пожаловал нас для православной веры, велел принять под свою высокую руку в вечное подданство.

– А прежде у кого были вы в подданстве, и кто у вас начальные люди, и вера у вас христианская ли, и как далеко вы живете от Терека и в каких местах, и города у вас есть ли, и сколько у вас служилых людей, и какой у вас бой? Кто у вас соседи, и нет ли вам от персидского шаха, от кумык и от черкес какого утеснения? Хлеб у вас родится ли, и если великий государь изволит принять вас под свою высокую руку, то на каких статьях вы хотите быть в подданстве?

– Мы хотим быть у царского величества в вечном холопстве, где велит быть на службе – и мы готовы; вера у нас христианская, живем мы в крепких местах, в горах, в трех станах, а городов и начальных людей у нас нет – всякий владеет своею деревнею; ратных людей у нас восемь тысяч, бой лучной и копейный; все бывают в панцирях; от Терека до Тушинской земли скорого хода четыре дни; прежде мы были подданные Теймураза царя, а как его персидский царь разорил, с того времени живем особо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.